

ЭДГАР РАЙС БЕРРОУЗ ПРИЁМЫШ ОБЕЗЬЯНЫ

Тарзан

Эдгар Райс Берроуз
Приёмш обезьяны

«Public Domain»

1912

Берроуз Э.

Приёмьш обезьяны / Э. Берроуз — «Public Domain»,
1912 — (Тарзан)

Джон Клейтон, лорд Грейсток – имя, доставшиеся ему от отца. Тарзан – имя, под которым его знают джунгли. Джунгли, для которых неважно, сколько у тебя денег в банке и насколько именит твой род. Для них важны сила, смелость и мужество – все это есть у Тарзана, выросшего в стае обезьян и живущего по законам джунглей. Но в его джунгли приходят люди...

Содержание

I. В море	5
II. Дикое убежище	11
III. Жизнь и смерть	16
IV. Обезьяны	20
V. Белая обезьяна	24
VI. Бой в джунглях	29
VII. Свет познания	33
VIII. Охота на вершинах деревьев	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эдгар Райс Берроуз

Приемыш обезьяны

I. В море

Я был в гостях у одного приятеля и слышал от него эту историю.

Он рассказал мне ее просто так, безо всякого повода. Мог бы и не рассказывать. Начал он ее под влиянием винных паров, а потом, когда я сказал, что не верю ни одному его слову, это удивило его, и он, подстрекаемый моим недоверием, счел себя вынужденным рассказать все до конца.

Человек он был радушный, но гордый и обидчивый до нелепости. Задетый моим скептицизмом, он, для подкрепления своих слов, представил мне какую-то засаленную рукопись и кипу старых сухих отчетов Британского Министерства Колоний.

Однако, я и теперь не решусь утверждать, что все в этом рассказе достоверно. Ведь событий, изображаемых здесь, я не видел своими глазами. А может быть это и правда, кто знает! Я, по крайней мере, счел благоразумным дать главным героям рассказа вымышленные имена и фамилии.

Засаленная рукопись, с заплесневелыми и пожелтевшими листьями, оказалась дневником одного человека, которого давно уже нет в живых. Когда я прочитал этот дневник, и ознакомился с отчетами Министерства Колоний, я увидел, что эти документы вполне подтверждают рассказ моего гостеприимного хозяина.

Таким образом, то, что вы прочтете на дальнейших страницах, тщательно проверено мною и заимствовано из разных источников.

Если же этот рассказ не внушит вам большого доверия, вы все же согласитесь со мною, что он – изумительный, интересный, диковинный.

Из записок человека, которого давно нет в живых, а также из отчетов Министерства Колоний мы узнаем, что один молодой английский офицер (мы назовем его Джоном Клейтоном, лордом Грейстоком) был послан в Западную Африку, в одну из британских прибрежных колоний, произвести там исследование весьма деликатного свойства.

Дело в том, что жители этой колонии были народ простодушный; и вот, одна из европейских держав, пользуясь их наивностью, стала вербовать их в солдаты для своей колониальной армии, причем эта армия только и делала, что отнимала резину и слоновую кость у дикарей, живущих по берегам Арувими и Конго.

Несчастные жители британской колонии жаловались, что вербовщики, соблазняя тамошнюю молодежь идти в солдаты, сулили ей золотые горы, а между тем немногие из этих доверчивых рекрутов вернулись назад.

Англичане, жившие в этой колонии, подтвердили жалобы туземцев и прибавили со своей стороны, что чернокожие солдаты, завербованные иностранной державой, в действительности стали рабами: пользуясь их невежеством, белые офицеры не отпускают их на родину по истечении срока службы, а говорят им, что они должны прослужить еще несколько лет.

Ввиду этого, Министерство Колоний послало Джона Клейтона в Африку, предоставив ему новый пост, причем конфиденциально ему было поручено сосредоточить все свое внимание на жестоком обращении офицеров дружественной европейской державы с чернокожими британскими подданными.

Впрочем, нет надобности распространяться о том, зачем и куда был послан Джон Клейтон, так как в конце концов он не только не расследовал этого дела, но даже не доехал до места своего назначения.

Клейтон был из тех англичан, которые издревле прославили Англию своими геройскими подвигами в морских боях и на поле сражения, – мужественный, сильный человек, сильный и душой и телом.

Росту он был выше среднего. Глаза серые. Лицо правильное, резко очерченное. В каждом движении чувствовался крепкий, здоровый мужчина, прошедший многолетнюю военную выправку.

Он был честолюбив. Ему хотелось играть роль в политике. Оттого он и перевелся из офицеров в чиновники Министерства Колоний и взялся исполнить то поручение весьма деликатного свойства, о котором мы сейчас говорили.

Когда Джон Клейтон узнал, какие задачи возлагает на него Министерство, он был и польщен и обрадован, но в то же время весьма опечален. Ему было приятно, что его многолетняя служба в армии оценена по заслугам, что за свои труды он получает такую большую награду, что перед ним открывается широкое поприще для дальнейшей карьеры.

Но ехать теперь в Африку ему не хотелось: ведь не прошло и трех месяцев с тех пор, как он женился на красавице Элис Рутерфорд, и ему казалось безумием везти свою молодую жену в тропическую глушь, где лютые опасности подстерегают человека на каждом шагу.

Ради любимой женщины он охотно отказался бы от возложенной на него миссии, но леди Элис и слышать об этом не хотела. Напротив, она требовала, чтобы он отправился в Африку и взял ее с собою.

Конечно, у юной четы были матери, братья, сестры, тетки, кузены, кузины, и каждый и каждая из них выражали свои мнения по этому поводу; но каковы были эти мнения, история умалчивает. Да это и не существенно.

Нам известно лишь одно: что в 18** году, в одно прекрасное майское утро лорд Грейсток и его супруга, леди Элис, выехали из Дувра в Африку.

Через месяц они прибыли в Фритаун, где зафрахтовали небольшое суденышко «Фувальду», которое должно было доставить их к месту назначения.

Ничего больше неизвестно о лорде Джоне Грейстоке и его супруге, леди Элис. Они сгинули, исчезли, пропали!

Через два месяца после того, как «Фувальда» подняла якорь и покинула гавань Фритауна, около полудюжины британских военных судов появились в водах Южного Атлантического океана, тщетно пытаясь отыскать хоть какой-нибудь след погибших именитых путешественников. Не прошло и нескольких дней, как у берегов острова св. Елены этой эскадре удалось обрести осколки какого-то разбитого судна, и все тотчас уверовали, что это – осколки «Фувальды», что «Фувальда» утонула со всем своим экипажем. Поэтому дальнейшие поиски были приостановлены в самом начале, хотя много было любящих сердец, которые все еще надеялись и ждали.

«Фувальда», парусное трехмачтовое судно, не больше ста тонн, было самым заурядным кораблем в тех местах: тысячи таких суденышек обслуживают местную торговлю и шныряют вдоль всего побережья. Их команда обычно состоит из отчаянных головорезов и беглых каторжников – всех народов и всех племен.

«Фувальда» не была исключением из общего правила; на судне процветал мордобой. Матросы ненавидели начальство, а начальство ненавидело матросов. Капитан был опытный моряк, но со своими подчиненными обращался, как зверь. Разговаривая с ними, он знал только два аргумента: либо плеть, либо револьвер. Да и то сказать, этот разноплеменный сброд вряд ли мог бы уразуметь какой-нибудь другой разговор.

На второй же день после того, как лорд Грейсток и леди Элис отъехали из Фритауна, им, довелось быть свидетелями таких отвратительных сцен, разыгравшихся на борту их судна какие они издавна привыкли считать выдумкой досужих беллетристов.

То, что произошло в этот день рано утром на палубе «Фувальды», явилось, как это ни странно сказать, первым звеном в той цепи удивительных событий, которая завершилась

самым неожиданным образом: некто, еще не рожденный, очутился в такой обстановке, в какой не был еще ни один человек, и ему была назначена судьбою такая необыкновенная жизнь, какой, кажется, не изведал никто с тех пор, как существует человеческий род. Началось это так.

Два матроса мыли палубу «Фувальды»; капитан стоял тут же, на палубе и разговаривал о чем-то с лордом Клейтоном и его юной супругой.

Все трое стояли спиной к матросам, которые мыли палубу. Ближе и ближе придвигались матросы; наконец, один из них очутился за спиной у капитана. Как раз в эту минуту капитан, окончив разговор с лордом и леди, сделал шаг назад, чтобы уйти. Но наткнувшись на матроса, он упал и растянулся на мокрой палубе, причем зацепил ногой за ведро; ведро опрокинулось и окатило капитана грязной водой.

На минуту вся сцена показалась забавной, но только на минуту.

Капитан рассвирепел. Он чувствовал себя опозоренным. Весь красный, от унижения и ярости, с целым градом бешеных ругательств, накинулся он на несчастного матроса и нанес ему страшный удар кулаком. Тот так и рухнул на палубу.

Матрос был худой, маленького роста, уже не молодой, тем постыднее казалась расправа, которую учинил капитан. Но другой матрос был широкоплечий детина, здоровенный медведь, усы черные, шея воловья.

Увидев, что его товарищ упал, он присел к земле, зарычал, как собака, и одним ударом кулака повалил капитана на пол.

Мгновенно лицо капитана из пунцового сделалось белым. Бунт! Это был бунт! Усмирять бунты зверю-капитану приходилось не раз. Ни минуты не медля, он выхватил из кармана револьвер и выстрелил в упор в своего могучего врага. Но Джон Клейтон оказался проворнее: чуть только он увидел, что оружие сверкнуло на солнце, он подбежал к капитану и ударил его по руке, вследствие чего пуля угодила матросу не в сердце, а гораздо ниже – в колено.

В очень резких выражениях Клейтон тотчас же поставил капитану на вид, что он не допустит такого зверского обращения с командой и считает его возмутительным.

Капитан уже открыл было рот, чтобы ответить ругательством на замечание Клейтона, но вдруг его словно осенила какая-то мысль, и он не сказал ничего, а круто повернулся и, с невнятным рычаньем, мрачно ушел на корму.

Он понимал, что не слишком выгодно раздражать британского чиновника, ибо могучая рука королевы может скоро направить на него грозное и страшное орудие кары – вездесущий британский флот.

Матросы приподнялись с палубы: пожилой помог своему раненому товарищу встать. Широкоплечий великан, который среди матросов был известен под кличкой Черный Майкэл, попытался двинуть простреленной ногой; когда оказалось, что это возможно, он повернулся к Клейтону и довольно неуклюже выразил ему свою благодарность.

Слова его были грубы, но в них звучало искреннее чувство.

Он резко оборвал свою краткую речь и зашагал, прихрамывая, по направлению к кубрику, показывая этим, что лорд Клейтон не должен отвечать ему ни слова.

После этого ни Клейтон, ни его жена не видали его несколько дней. Капитан не разговаривал с ними, а когда ему приходилось по службе сказать им несколько слов, он сердито и отрывисто буркал.

Они завтракали и обедали в капитанской каюте, потому что так у них повелось еще до этого несчастного случая, но теперь капитан не появлялся к столу, всякий раз ссылаясь на какое-нибудь неотложное дело.

Помощники капитана, все как на подбор, были неграмотные бесшабашные люди, чуть-чуть почище того темного сброда матросов, над которым они так злодейски тиранствовали. Эти люди, по весьма понятным причинам, при всяких встречах с прекрасно воспитанным лордом чувствовали себя не в своей тарелке и потому избегали какого бы то ни было общения с ним.

Таким образом, Клейтоны – муж и жена – очутились в полном одиночестве.

В сущности, это одиночество им было только приятно, но, к сожалению, они таким образом стали отрезаны от жизни своего корабля и оказались неподготовленными к той страшной кровавой трагедии, которая разыгралась через несколько дней.

А между тем, уже тогда можно было предвидеть, что близка катастрофа. Внешним образом жизнь на корабле шла по-прежнему, но внутри что-то разладилось и грозило великой бедой. Это инстинктивно ощущали и лорд Клейтон, и его жена, но друг другу об этом не говорили ни слова.

На другой день после того, как пуля капитана прострелила Черному Майкэлу ногу, Клейтон, выйдя на палубу, увидел, что четыре матроса, с угрюмыми лицами, несут какое-то бездыханное тело, а сзади шествует старший помощник, держа в руке тяжелую нагайку.

Клейтон предпочел не вникать в это дело, но на следующий день, увидев на горизонте очертания британского военного судна, решил потребовать, чтобы капитан немедленно причалил к нему. Лорду Клейтону было ясно, что при тех мрачных порядках, которые установились на «Фувальде», вся его экспедиция может окончиться только несчастьем.

Около полудня они подошли так близко к военному судну, что могли бы вступить в переговоры с ним; но как раз в ту минуту, когда Клейтон вознамерился обратиться к капитану с изъявлением своего желания покинуть «Фувальду», ему пришло в голову, что все его страхи вздор и что капитан только посмеется над ним.

В самом деле, какие были у него основания просить офицера, командующего военным кораблем великобританского флота, изменить свой рейс и вернуться туда, откуда он только что прибыл?

Конечно, Клейтон может сказать, что он не пожелал остаться на борту своего корабля, так как его капитан сурово наказал двух нарушивших дисциплину матросов. Но такое объяснение покажется офицерам военного судна смешным, и они втихомолку позабавятся над чувствительным лордом, а, пожалуй, сочтут его трусом.

Ввиду таких соображений, Джон Клейтон, лорд Грейсток, не стал просить, чтобы его доставили на военный корабль; но уже к вечеру, когда трубы броненосца скрылись за далеким горизонтом, он стал раскаиваться в своей излишней боязни показаться смешным, так как на «Фувальде» разыгрались ужасные события.

Случилось так, что часа в два или три пополудни тот самый пожилой матрос невысокого роста, которого несколько дней тому назад капитан ударил по лицу кулаком, чистил на палубе медные части. Приблизившись к Клейтону, он пробормотал еле слышно:

– Будет ему нахлобучка... Помните мое слово: будет... Это ему даром не пройдет...

– Что вы хотите сказать? – спросил у него Клейтон.

– А разве вы сами не видите, какие тут у нас заварились дела? Этот сатана-капитан и его мерзавцы-подручные чуть не всю команду искалечили до смерти... Вчера двоих, да сегодня троих. Но Черный Майкэл опять на ногах; погоди, он покажет им, как измываться над нами. Уж он расправится с ними, помяните мое слово.

– Вы хотите сказать, – спросил Клейтон, – что команда корабля затевает мятеж?

– Мятеж! – воскликнул старый матрос. – Какой там мятеж! Не мятеж, а убийство! Уж мы его ужокошим, я вам это говорю!

– Когда?

– Скоро! А когда, не скажу, я и так наболтал слишком много. Но вы хороший господин, вы тогда вступились за меня и за Черного Майкэла, и потому я сказал вам словечко. Но держите язык за зубами, и когда услышите выстрелы, ступайте в трюм и оставайтесь там, а не то попадет и вам.

И старик, закончив работу неподалеку от лорда, направился дальше к другим, еще не вычищенным, медным частям.

Леди Элис стояла тут же и слышала каждое слово матроса.

– Недурные развлечения у нас впереди! – сказал иронически Клейтон.

– Нужно сейчас же предупредить капитана, – воскликнула леди Клейтон. – Может быть, ему удастся отвлечь катастрофу.

– Пожалуй, это будет самое лучшее, – отозвался лорд, – хотя, чтобы сохранить свою шкуру, я должен бы держать язык за зубами. Теперь, что бы ни случилось на судне, матросы не тронут ни тебя, ни меня, потому что они видели, как я заступился за этого старика и за Черного Майкэла. Но если они узнают, что я предатель, что я разболтал обо всем капитану, нам обоим не будет пощады.

– Но, милый Джон, – возразила жена, – если ты не предупредишь капитана о готовящемся на него покушении, ты тем самым окажешься виновным в убийстве, ты будешь соучастником этих злодеев.

– Ты не знаешь, что ты говоришь, моя милая, – ответил Клейтон. – Ведь я забочусь только о тебе. Капитан сам виноват, он заслужил эту кару; зачем же я стану подвергать опасности мою жену ради спасения такого жестокого зверя? Ты не можешь себе представить, мой друг, как ужасна будет наша жизнь, если «Фувальда» окажется во власти этих головорезов и каторжников!

– Долг есть долг, – заявила жена, – никакие софизмы не помогут тебе уклониться от выполнения долга. Я была бы недостойна тебя, если бы из-за меня тебе пришлось хоть раз изменить своему долгу. Конечно, я знаю, что последствия могут быть ужасны, но я безбоязненно встречу их рядом с тобою. Лучше самая ужасная опасность, чем позор. А ты только подумай, как велики будут твои угрызения совести, если с капитаном, действительно, случится несчастье!

– Ну, будь по-твоему, Элис! – ответил, улыбаясь, Джон Клейтон. – Может быть, мы напрасно тревожимся... Конечно, дела на корабле идут не важно, но мы, кажется, стущаем краски. Весьма возможно, что этот старый матрос сообщал нам не реальные факты о положении вещей, а только свои мечты и желания! Ему хочется отомстить обидевшему его капитану, вот он и сочиняет, будто эта месть неизбежна... Вообще мятежи на кораблях уже вышли из моды. Лет сто тому назад они были заурядным явлением, а теперь о них давно не слышать... Но вот капитан идет к себе в каюту. Я пойду к нему сейчас и скажу ему о том, что я слышал, так как мне хочется кончить это гнусное дело скорее. Не очень-то мне приятно разговаривать с этим животным.

Сказав это, он с беззаботным видом направился к каюте капитана и постучал к нему в дверь.

– Войдите! – сердито зарычал капитан. Когда Клейтон вошел в каюту и закрыл за собою дверь, капитан рявкнул отрывисто:

– Ну?

– Я пришел сообщить вам, что сегодня я случайно подслушал один разговор, из которого мне стало ясно, что ваши люди затевают мятеж и замышляют убийство.

– Ложь! – заревел вне себя капитан. – И если еще раз у вас хватит нахальства лезть не в свое дело и подрывать дисциплину на моем корабле, я не поручусь за последствия! Черт вас возьми! Вы думаете, я очень боюсь, что вы лорд? Наплевать мне на лорда! Я – капитан корабля и никому не позволю совать нос в мои распоряжения.

К концу этой яростной речи взбешенный капитан потерял всякий контроль над собою, лицо у него покраснело, и последние слова он выкрикнул громким фальцетом, стуча одним кулаком по столу, а другим потрясая перед самым носом Клейтона.

Кулаки у него были огромные.

Клейтон не шелохнулся. Он спокойно стоял и смотрел разъяренному капитану в глаза, как будто ничего не случилось.

– Капитан Виллинг, – сказал он, наконец, – простите, пожалуйста, мою откровенность, но я позволю себе высказать вам, что, по-моему, вы – осел!

Сказав это, он немедленно повернулся и вышел из каюты своей обычной непринужденной, спокойной походкой. Эта походка несомненно должна была вызвать в таком вспыльчивом человеке, каким был капитан, новые приступы ярости.

Если бы Клейтон ничего не сказал капитану, весьма возможно, что капитан через минуту раскаялся бы в своей излишней горячности; но своим поведением Клейтон раз и навсегда уничтожил всякую возможность примирения.

Теперь уже нельзя было надеяться, что, в случае каких-нибудь несчастий, капитан окажется союзником Клейтона и вместе с ним примет меры для самозащиты от взбунтовавшихся матросов.

– Ну, Элис, – сказал Клейтон, вернувшись к жене, – ничего хорошего не вышло. Этот молодец оказался неблагодарной свиньей. Накинулся на меня, как бешеный пес ... А пускай матросы делают с ним, что хотят, мы должны позаботиться о себе сами. Первым делом идем к себе в каюту. Я приготовлю мои револьверы. Жаль, что наши ружья и снаряды находятся внизу, в багаже.

Когда они пришли к себе в каюту, они нашли там страшный беспорядок. Кто-то рылся у них в чемоданах и разбросал по каюте их платье. Даже койки, и те были сломаны, а постель валялась на полу.

– Очевидно, – воскликнул Клейтон, – кому-то наши вещи показались очень интересны. Интереснее даже, чем нам. Но что искали эти люди? Посмотри, чего не хватает. Клейтон перебрал все имущество, которое было в каюте.

Все оказалось в целости. Ничего не пропало. Исчезли только два револьвера да пули.

– Жаль, – сказал Клейтон. – Они взяли наиболее ценное. Теперь уже нельзя сомневаться, что нам угрожает бунт.

– Что же нам делать, Джон? – воскликнула жена. – Теперь я не стану настаивать, чтобы ты пошел к капитану, потому что не хочу, чтобы ты снова подвергся оскорблению. Может быть, будет лучше всего, если мы останемся нейтральны. Предположим, что победит капитан. Тогда все пойдет по-прежнему, и бояться нам нечего. А если победят матросы, будем надеяться (хотя, кажется, надежда плоха), что они не тронут нас, так как увидят, что мы не мешали им действовать.

– Хорошо, Элис! Будем держаться по середине дороги! Они стали приводить свою каюту в порядок и только тогда заметили, что из-за двери торчит клочок какой-то бумажки. Клейтон нагнулся поднять ее, но с изумлением увидел, что она сама пролезает в дверь. Было ясно, что кто-то просовывает ее с той стороны.

Он ринулся вперед и уже взялся за ручку, чтобы распахнуть дверь и настичь неизвестного человека врасплох, но жена схватила его за руку.

– Не надо! – шепнула она. – Ведь ты хотел держаться «по середине дороги».

Клейтон улыбнулся, и рука у него опустилась. Муж и жена стояли рядом и смотрели, не двигаясь, как вползает к ним в комнату маленькая, беленькая бумажка. Наконец, она остановилась. Клейтон нагнулся и поднял ее. Это была сложенная вчетверо, грубая шершавая бумажка.

Развернув ее, Клейтоны увидели какие-то малограмотные каракули, выведенные рукой, явно непривычной к перу.

Эти каракули предупреждали Клейтона, чтобы он не смел сообщать капитану о пропаже револьвера и также не говорил никому о своем разговоре с матросом. Иначе и ему и его жене – смерть.

– Ну, что ж, будем паиньки, – сказал Клейтон с горькою усмешкой.

– Нам ничего другого не осталось, как сидеть смиренно и ждать своей участи.

II. Дикое убежище

Ждать им пришлось недолго. На следующее утро Клейтон вышел из своей каюты, чтобы прогуляться по палубе перед завтраком. Вдруг раздался выстрел. За ним еще и еще.

Посередине судна стояла маленькая кучка начальствующих. Матросы обступили их пестрой толпой; Черный Майкэл впереди всех.

Стреляли офицеры. После первого же выстрела матросы разбежались и попрятались, кто за мачту, кто за каюту. Из-под прикрытий они стали палить в ненавистных пятерых человек, которые командовали ими.

Капитан убил двоих из револьвера. Трупы убитых остались валяться на палубе.

Старший помощник капитана зашатался и упал ничком. Черный Майкэл скомандовал: «вперед!» – и бунтовщики кинулись на четырех офицеров. Ружей и револьверов у них было всего шесть штук, и поэтому в ход пошли багры, топоры и кирки.

Капитан выстрелил из револьвера, и пока он заряжал его, матросы кинулись в атаку. Ружье второго помощника дало осечку. Оставалось всего только два револьвера, чтобы встретить натиск мятежников. Последние быстро подошли к офицерам, и те подались назад перед бешеной атакой команды.

С той и с другой стороны сыпались страшные проклятья. Ругательства, треск выстрелов, стоны и вопли раненых превратили палубу «Фувальды» в подобие сумасшедшего дома.

Едва офицеры успели отступить на несколько шагов, как матросы бросились на них. Дюжий негр взмахом топора раскроил капитану голову от лба до подбородка; минутой спустя, и остальные офицеры пали мертвые или раненые под градом ударов и пуль.

Мятежники действовали быстро и решительно. Во время свалки Джон Клейтон стоял, небрежно облокотясь у прохода, и задумчиво курил трубку, как будто присутствуя на состязании в крикет.

Когда упал последний офицер, Клейтон решил, что ему пора спуститься вниз, к жене; он боялся, что мятежники ворвутся в каюту и застанут ее там одну.

Хотя по внешности Клейтон казался совершенно спокоен и безразличен, в душе он был сильно встревожен. Судьба бросила их во власть разнузданных зверей, и он боялся за безопасность жены.

Когда он повернулся, чтобы спуститься к ней в каюту, он, к своему изумлению, увидел ее стоявшую почти рядом с ним.

– Ты здесь давно, Элис?

– С самого начала, – ответила она. – Как страшно, Джон! О, как страшно! Что с нами будет в руках таких людей и на что мы можем рассчитывать?

– Мы можем, надеюсь, рассчитывать получить от них завтрак, – сказал он, спокойно шутя, чтобы ободрить ее, и добавил: – Во всяком случае, я сейчас же иду на разведку. Пойдем со мной, Элис. Мы должны им показать, что не боимся и что заранее уверены в их корректном обращении с нами.

Матросы столпились вокруг мертвых и раненых офицеров. Безо всякой жалости выкидывали они мертвых и даже еще живых своих начальников за борт. Впрочем, они обошлись так же бессердечно и со своими ранеными и убитыми.

Один из бунтовщиков, заметив приближавшихся Клейтонов, закричал:

– К рыбам и этих двух! – и бросился на них, взмахнув топором.

Но Черный Майкэл не зевал. Его пуля уложила матроса на месте. Затем, указывая на лорда и леди Грейсток, он громко крикнул, привлекая внимание остальных матросов:

– Эй вы! Эти оба – мои друзья. Их не трогать! Поняли? Я теперь здесь капитан, и мое слово – закон, – и, обращаясь к Клейтону, он добавил: – Держитесь в стороне, и никто вас не тронет. – С этими словами он сердито взглянул на своих товарищей.

Клейтоны постарались в точности исполнить совет Черного Майкэла; они ни на кого не обращали внимания и ничего не знали о дальнейших планах бунтовщиков.

По временам к ним доносились слабые отзвуки ссор и споров, а два раза злобное шелканье взведенных курков прорезало тихий воздух. Но Черный Майкэл был подходящим вождем для этого разношерстного сброда головорезов и вместе с тем умел держать их в строгом повиновении.

На пятый день после убийства офицеров вахтенный крикнул, что видна земля. Был ли это остров или материк, – Черный Майкэл не знал. Но он объявил Клейтону, что если эта местность окажется обитаемой, лорд и леди Грейсток будут высажены на берег со всем своим имуществом.

– Вы тут недурно проживете несколько месяцев, – объяснил он. – А за это время мы сумеем отыскать где-нибудь пустынный берег и разбредемся в разные стороны. Я обещаю осведомить правительство о том, где вы находитесь, и оно тотчас вышлет за вами военный корабль. Думаю, что вы нас не выдадите. Но высадить вас в цивилизованную местность для нас совсем неподходящее дело. К нам сразу же привяжутся с кучей вопросов, ответить на которые нам будет не слишком удобно.

Клейтон понятно протестовал против бесчеловечной высадки их на пустынный берег, где они либо станут добычей диких зверей, либо, быть может, еще более диких людей.

Но протест его не имел успеха и только рассердил Черного Майкэла. Волей-неволей Клейтон вынужден был покориться и постарался примириться со своим безвыходным положением.

В три часа пополудни они подошли к красивому лесистому берегу против входа в закрытую бухту. Черный Майкэл спустил небольшую шлюпку с матросами, чтобы исследовать глубину и решить вопрос, может ли «Фувальда» безопасно войти в бухту.

Час спустя люди вернулись и доложили, что дно глубокое как в проходе, так и в самом заливе.

И прежде, чем наступила темнота, парусник, мирно став на якорь, отражался в гладкой зеркальной поверхности бухты.

Берег, раскинувшийся впереди, утопал в прекрасной полутропической зелени. Вдали рисовались холмы и плоскогорья, почти сплошь покрытые первобытным лесом.

Не было и признака жилья. Но человеческое существование было здесь возможным. Обилие птиц и животных, которых было видно даже с палубы «Фувальды», обеспечивали пропитание, а сверкающая маленькая речка, впадавшая в бухту, обещала в изобилии пресную воду.

На землю спустилась темная ночь. Клейтон и леди Элис все еще стояли у борта в молчаливом созерцании местности, где им суждено было жить. Из мрака девственного леса доносился страшный вой диких зверей: глухое рычанье льва и, по временам, пронзительный визг пантеры.

Женщина боязливо прижалась к мужчине. Она предвидела те ужасы, которые стерегли их во мгле грядущих ночей, когда они окажутся одни на этом диком и пустынном побережье.

Черный Майкэл подошел к ним и заявил, чтобы они готовились сойти утром на берег. Они пытались упросить его, чтобы он высадил их ближе к цивилизованной местности, откуда со-временем можно было надеяться попасть на родину. Но ни мольбы, ни угрозы, ни обещания вознаграждения не смогли поколебать Черного Майкэла. Он ответил им:

– Кроме меня на судне нет ни одного человека, который не предпочел бы видеть вас обоих мертвыми ради своей безопасности. Хоть я и сам знаю, что это единственный разумный

способ застраховать наши шеи, не такой человек Черный Майкэл, чтобы забыть одолжение. Вы спасли мне жизнь, – в оплату за это, я спасу вашу. Но это все, что я могу для вас сделать.

– Команда больше ждать не согласна и, если я вас завтра же не высажу, они могут передумать и отказаться оказать вам даже эту услугу. Я выгружу ваш багаж и дам вам еще кухонные принадлежности и несколько старых парусов на палатки. Кроме того, я снабжу вас провизией на первое время, пока вы не найдете себе дичи и плодов. Вы, значит, сможете здесь недурно устроиться, пока не явится помощь. Когда я буду уже в безопасности, то извещу британское правительство о том, где вы находитесь. Хотя – клянусь жизнью – я и сам не знаю в точности, что это за место! Но они сумеют вас отыскать.

Когда он ушел, Клейтоны молча спустились в свою каюту, оба погруженные в мрачные предчувствия.

Клейтон не верил тому, что Черный Майкэл имеет хотя бы малейшее намерение извести британское правительство об их местопребывании. Он не был даже особенно уверен и в том, не злоумышляют ли мятежники какого-нибудь предательства по отношению к ним на следующее утро, когда они должны были очутиться одни с матросами на берегу.

Без присмотра Черного Майкэла, любой матрос мог их убить. Совесть же Черного Майкэла этим не отягощалась.

Но, положим, они избегнут этой опасности. Разве им не придется тогда стоять лицом к лицу с опасностями, еще более страшными? Если бы еще Клейтон был один, он мог бы надеяться прожить долгие годы, потому что он сильный, атлетического сложения человек.

Но что будет с Элис и тем другим крохотным существом, которому предстояло уже скоро появиться на свет среди лишений и страшных опасностей первобытного мира?

Клейтон вздрогнул, представив себе несказанные трудности и полную безвыходность своего положения. К счастью, им не было дано предвидеть ту по истине ужасную судьбу, которая должна была стать их уделом в страшных глубинах мрачного леса.

Рано поутру на следующий день их многочисленные сундуки и ящики были подняты на палубу в ожидании шлюпок для перевозки их на берег.

У них было очень много багажа, и притом самого разнообразного. Клейтоны рассчитывали пробыть на новом месте служения семь-восемь лет и, кроме всяких необходимых вещей, они везли много предметов роскоши.

Черный Майкэл твердо решил, что ни одна вещь, принадлежащая Клейтонам, не должна оставаться на борту. Делал ли он это из сострадания к ним, или просто в виду собственных интересов – трудно решить. Но несомненно, что присутствие на борту вещей, принадлежавших пропавшему британскому чиновнику, вызвало бы нежелательные толки в любом цивилизованном портовом городе.

Черный Майкэл с таким рвением приводил в исполнение свое решение, что заставил даже матросов вернуть Клейтону похищенные у него револьверы.

В шлюпки были погружены солонина и сухари. Кроме того, их снабдили небольшим запасом картофеля, бобов, спичек, кухонными принадлежностями, ящиками, инструментами и обещанными Черным Майкэлом старыми парусами.

По-видимому, глава мятежников опасался того же самого, чего боялся и Клейтон. Поэтому он сам проводил их на берег и сел в последнюю лодку только после того, как все шлюпки, захватив свежей воды, отчалили к ждущей их «Фувальде».

Клейтон и его жена молча стояли на берегу и смотрели вслед уходящим лодкам. В груди у обоих теснилось предчувствие неминуемого несчастья и ощущение горькой безнадежности.

А в это время из-за небольшого пригорка следили за ними другие глаза, близко посаженные, – глаза, злобно сверкавшие под густыми бровями.

Когда «Фувальда» прошла узкий пролив и скрылась из вида за мысом, леди Элис охватила руками шею мужа и разразилась неудержимыми рыданиями.

Она вынесла храбро опасность бунта; с героической твердостью смотрела на грозное будущее; но сейчас, когда они очутились в полном одиночестве, ее измученные нервы не выдержали страшного напряжения.

Он не пытался остановить ее слезы. Слезы могли облегчить и успокоить ее. Прошло много минут, прежде чем молодая женщина снова стала владеть собой.

– О, Джон, – простонала она, – какой ужас! Что нам делать? Что нам делать?

– Нам остается одно, Элис, – он говорил так же спокойно, как если бы они сидели в своей уютной гостиной, – нам остается только одно: работать. Работа должна быть нашим спасением. Не надо давать себе времени думать, потому что это поведет к безумию! Мы будем трудиться и ждать. Даже если Черный Майкэл не сдержит своего обещания, то я уверен, что помощь придет, и придет скоро, как только станет известным, что «Фувальда» пропала.

– Дорогой мой Джон, если бы дело шло только о тебе и обо мне, – зарыдала она, – мы бы вынесли все, я знаю, но ...

– Да, дорогая, – ответил он нежно, – я тоже думал об этом. Но мы должны и это встретить мужественно, веря в наше умение справиться со всем, с чем нам суждено столкнуться. Подумай! Сотни тысяч лет тому назад, в далеком и туманном прошлом, наши предки стояли перед теми же задачами, перед которыми стоим мы теперь, – может быть даже в этих самых первобытных лесах. И то, что мы с тобой сейчас очутились здесь – живое свидетельство о том, что они победили. Неужели мы не сделаем того, что сделали они, и даже лучше их? Ведь мы вооружены высшим знанием! У нас есть способы защиты, которые дала нам наука и о которых они не имели понятия. Элис, мы можем добиться, чего добились они, вооруженные жалкими орудиями из костей и камня!

– Ах, Джон, я хотела бы быть мужчиной. Я, может быть, также бы думала, но я женщина и вижу скорее сердцем, чем головой. А все, что я вижу, слишком ужасно, слишком невыносимо, чтобы выразить словами. Хочу надеяться, что ты прав, Джон. Я сделаю все, чтобы быть храброй, первобытной женщиной, достойной подругой первобытного мужчины!

Первой мыслью Клейтона было соорудить временное убежище для защиты их во время сна от зверей, которые уже высматривали легкую добычу.

Он открыл ящик, в котором лежали его ружья и патроны, чтобы иметь их всегда под рукой на случай неожиданного нападения, и они отправились на поиски места для их первой ночевки.

В ста ярдах от берега они нашли маленькую ровную поляну, почти свободную от деревьев; здесь именно и решили они выстроить свое будущее постоянное жилище. Но сейчас им обоим пришла мысль, что лучше всего соорудить небольшую площадку на деревьях – повыше, так, чтобы до них не могли добраться крупные хищные звери, в царстве которых они находились.

Клейтон выбрал для этой цели четыре дерева, составлявшие приблизительно четырехугольник в восемь квадратных футов, и, срезав длинные ветви с других деревьев, он устроил в десяти футах над землей раму из брусьев. Он крепко привязал концы веток к деревьям веревками, которыми в числе других запасов снабдил их Черный Майкэл. Поперек этого остова Клейтон положил более мелкие ветки. Затем он устлав всю эту платформу исполинскими листьями лопуха, в изобилии росшего вокруг, а поверх листьев положил большой парус, свернутый много раз.

Семью футами выше Клейтон построил такую же, хотя и более легкую платформу, которая должна была служить им крышей, а по сторонам вместо стен повесил остатки парусов.

В конце концов, у них оказалось довольно уютное маленькое гнездышко. Он перенес туда одеяла и часть ручного багажа.

День клонился уже к вечеру, но, пока еще было светло, Клейтон соорудил грубую лестницу, по которой леди Элис могла взобраться в свое новое помещение.

Весь день кругом них летали и щебетали птицы в ярком оперении и прыгали болтливые мартышки, с изумлением и сильнейшим интересом следившие за появившимися среди них новыми существами и за постройкой их странного гнезда.

Несмотря на то, что оба они, и Клейтон и его жена, все время держались настороже, они не видели крупных животных. Но два раза маленькие соседки их – мартышки – с криком и визгом убегали с близлежащего холмика, бросая назад испуганные взгляды. Было ясно, – как если бы они говорили это словами, – что они спасаются от чего-то ужасного, притаившегося за холмом.

Как раз перед наступлением сумерек Клейтон кончил постройку лестницы, и, наполнив большую чашу водой из близлежащего ручья, оба, муж и жена, поднялись в свою, сравнительно безопасную, воздушную комнату.

Было очень тепло, и Клейтон откинул полог; они уселись по-турецки на своих одеялах, и леди Элис стала пристально всматриваться в сгущающиеся тени леса. Вдруг она вздрогнула и схватила Клейтона за руку.

– Джон, – шепнула она, – смотри, что это такое? Человек?

Клейтон взглянул в указанном направлении и увидел смутно обрисовывающийся на темном фоне силуэт... Какая-то темная фигура стояла во весь рост на холме.

Одно мгновение она стояла, как бы прислушиваясь, а затем медленно повернулась и исчезла в тенях джунглей.

– Что это, Джон?

– Не знаю, Элис, – ответил он серьезно. – Слишком темно, чтобы разглядеть. Быть может, – просто тень, брошенная луной.

– Нет, Джон! Если это не человек, то это какая-то огромная и отвратительная пародия на человека. Мне страшно!

Он крепко обнял ее и шептал ей слова любви и мужества. Для Клейтона самым большим горем в их несчастье была душевная тревога его молодой жены. Сам он был храбр и бесстрашен, но он обладал способностью понимать, какие ужасные мучения может причинить страх более слабой натуре. Это редкое качество было одной из многих прекрасных сторон характера, которые завоевали молодому лорду Грейстоку любовь и уважение всех знавших его.

Вскоре затем Клейтон спустил полог, крепко привязав его к деревьям, так что, за исключением маленького отверстия к морю, они были закрыты со всех сторон.

Теперь в их маленьком воздушном гнездышке было совсем темно; они улеглись на одеяла и постарались найти во сне хоть короткий отдых и забвение.

Клейтон лежал лицом к отверстию с ружьем и парой револьверов в руках.

Не успели они закрыть глаза, как из джунглей за их спиной донесся ужасающий крик пантеры. Этот крик все приближался; наконец, они услышали его как раз под собой. В продолжение часа, а то и больше, пантера обнюхивала и царапала деревья, поддерживавшие их жилье. Наконец, она удалилась вдоль берега, и Клейтон ясно разглядел ее там под яркой луной: это было огромное, красивое животное, самое большое из виденных им до тех пор.

В долгие часы темноты они только урывками засыпали. Непривычные ночные звуки необозримых джунглей, наполненных мириадами животной жизни, держали их истрепанные нервы все время настороже. Сотни раз вскакивали они от пронзительных визгов или крадущихся движений каких-то таинственных существ.

III. Жизнь и смерть

Всю ночь они почти не смыкали глаз и с большим облегчением встретили рассвет.

После скудного завтрака, состоявшего из соленой свинины, кофе и сухарей, Клейтон начал работать над сооружением постоянного жилища: он ясно понял, что они не могут надеяться на безопасность и спокойствие, пока не отгородят себя от джунглей четырьмя крепкими стенами.

Работа оказалась нелегкой. На постройку маленькой хижины в одну небольшую комнату ушел почти целый месяц, Клейтон строил ее из бревен около шести дюймов в диаметре, а промежутки замазывал глиной, которую нашел на глубине нескольких футов под поверхностью почвы. На одном конце комнаты он поставил печь из небольших валунов, собранных на взморье. Когда дом был готов, он обмазал его со всех сторон четырехдюймовым слоем глины.

Оконный переплет Клейтон устроил из веток около дюйма в диаметре, тесно переплетенных крест-накрест в виде крепкой решетки, способной противостоять натиску могучих зверей. Такая решетка не препятствовала доступу свежего воздуха в хижину и, в то же время, являлась надежной защитой.

Двускатная крыша была крыта мелкими ветками, плотно пригнанными друг к другу, а сверху была устлана толстым слоем длинных трав джунглей и пальмовых листьев. Затем крыша была также густо обмазана глиной.

Дверь Клейтон сколотил из досок тех ящичков, в которых были упакованы их вещи. Он прибавал доски крест-накрест до тех пор, пока не получилось такое массивное сооружение, что, взглянув на него, они оба расхохотались.

Но тут Клейтон встретил самое большое затруднение: у него не было петель, чтобы приставить массивную дверь у входа. Однако, после двухдневного упорного труда, ему удалось соорудить две огромные и неуклюжие деревянные петли, на которые он и повесил дверь так, что она свободно закрывалась и открывалась.

Штукатурные и другие работы были завершены уже после того, как Клейтоны перебрались в хижину. А это они сделали тотчас же, как только была закончена крыша. Дверь они заставляли на ночь сундуками и ящичками, и, таким образом, получалось сравнительно безопасное и довольно уютное жилище.

Изготовление кровати, стульев, стола и полок было делом сравнительно легким, и в конце второго месяца лорд и леди Грейсток были довольно недурно обставлены. Если бы не постоянная боязнь нападения диких зверей и не все растущая тоска одиночества, они примирились бы со своим положением.

Ночью большие звери рычали и ревели вокруг их маленькой хижины, но к часто повторяемым звукам и шуму можно до такой степени привыкнуть, что вскоре перестанешь обращать на них внимание. В конце концов, Клейтоны привыкли к ночным крикам и крепко спали всю ночь.

Трижды случалось им видеть мимолетные образы больших человекоподобных фигур, похожих на ту, которую они видели в первую ночь, но никогда эти видения не подходили к ним настолько близко, чтобы они могли сказать наверняка: люди ли это или звери?

Блестящие птицы и маленькие обезьяны привыкли к своим новым знакомым. Они, по-видимому, до тех пор никогда не встречали людей, и теперь, когда первый их страх рассеялся, они стали подходить к ним все ближе и ближе. Их влекло к человеку то странное любопытство, которое управляет дикими существами лесов, джунглей и степей. Спустя месяц, многие из птиц прониклись таким доверием, что брали пищу из рук Клейтона.

Однажды к вечеру, когда Клейтон работал над рубкой деревьев (он собирался прибавить еще несколько комнат к своей хижине), его маленькие друзья – маргышки с визгом бросились

прочь от холма и попрятались в джунглях. Они кидали назад испуганные взгляды и, становясь около Клейтона, возбужденно затараторили, как бы предупреждая его о приближающейся опасности.

И он увидел то, чего так боялись маленькие обезьяны: человека-зверя, то загадочное существо, чья фигура уже не раз мелькала перед ними в мимолетных полуфантастических образах. Зверь шел через джунгли полувыпрямившись, время от времени касаясь земли своими сжатыми кулаками. Это была большая обезьяна-антропоид; приближаясь, она яростно рычала и иногда глухо лаяла.

Клейтон находился довольно далеко от хижины и ревностно рубил выбранное им для постройки дерево. Месяцы, в продолжение которых ни одно страшное животное при дневном свете не осмеливалось приблизиться к хижине, приучили его к беззаботности. Он оставил все свои ружья и револьверы в хижине. И теперь, когда он увидел большую обезьяну, направлявшуюся прямо к нему через кустарник, он понял, что путь к отступлению отрезан, и почувствовал, как по его спине пробежала легкая дрожь. Он был вооружен одним топором и прекрасно сознавал, что его шансы на успех в борьбе с этим жестоким чудовищем были совершенно ничтожны. – «А Элис, о, боже!» – подумал он, – «что будет с Элис?»

Ему, может быть, удастся еще добежать до хижины. На бегу он крикнул жене, чтобы она вошла в дом и закрыла за собою дверь.

Леди Грейсток сидела неподалеку от хижины. Услыхав крик мужа, она подняла голову и увидела, что обезьяна с поразительной для такого большого и неуклюжего животного скоростью прыгнула наперерез Клейтону.

Элис с криком побежала к хижине. Вбежав в нее, она оглянулась и у нее захолонуло сердце от ужаса: страшный зверь уже пересек путь ее мужу. Теперь Клейтон стоял перед обезьяной, схватив обеими руками топор и готовый ударить им разъяренного зверя, когда тот на него накинется.

– Запри дверь на засов, Элис! – закричал Клейтон. – Я могу топором справиться с этой обезьяной.

Но он знал, что его ждет верная смерть, и она тоже это знала.

Напавшая на него обезьяна была большим самцом; она весила, вероятно, не менее трехсот фунтов. Из-под косматых бровей злобно сверкали маленькие, близко посаженные глаза, а острые волчьи клыки свирепо оскалились, когда зверь на мгновение остановился перед своей жертвой. За спиной обезьяны Клейтон видел, не далее как в 20 шагах дверь хижины и волна ужаса нахлынула на него, когда он увидел, что его молодая жена снова выбежала из хижины, вооруженная его винтовкой.

Она, которая всегда так боялась огнестрельного оружия, что не решалась даже дотронуться до него, бросилась теперь к обезьяне с бесстрашием львицы, защищающей своих детенышей.

– Элис! Назад! – крикнул Клейтон – Бога ради, назад!

Но она не слушала, и в ту же минуту обезьяна накинулась на Клейтона и ему уже было не до разговоров.

Человек взмахнул топором изо всей силы, но могучее животное своими страшными лапами схватило топор, вырвало его из рук Клейтона и отшвырнуло далеко в сторону.

Со свирепым рычанием кинулся зверь на беззащитную жертву, но прежде, чем его клыки коснулись горла человека, раздался громкий выстрел, и пуля попала обезьяне в спину между лопатками.

Отшвырнув Клейтона наземь, зверь обратился против нового врага. Теперь перед ним стояла до смерти перепуганная молодая женщина и тщетно пыталась выстрелить еще раз. Она не знала механизма ружья, и ударник беспомощно бил по пустой гильзе.

С ревом бешенства и боли обезьяна бросилась на хрупкую фигуру – и Элис упала в обморок.

Почти одновременно Клейтон вскочил на ноги и, ни минуты не думая о том, что его помощь совершенно бесполезна, бросился вперед, чтобы оттащить обезьяну от неподвижного тела жены. И ему это удалось почти без усилия. Громадная обезьяна безжизненно рухнула на траву перед ним – она была мертва. Пуля сделала свое дело.

Быстро осмотрев жену, он убедился, что она жива и невредима, и решил, что огромный зверь умер в минуту прыжка на него.

Осторожно поднял он все еще бессознательное тело жены и снес его в хижину; но прошло добрых два часа, пока, наконец, Элис пришла в себя.

Первые же слова ее наполнили смутным опасением душу Клейтона. Она говорила:

– О, Джон, как уютно нам дома! Мне снился страшный сон! Мне казалось, мой милый, будто мы вовсе не в Лондоне, а в какой-то ужасной, дикой местности и что на нас нападают страшные звери.

– Да, да, хорошо, Элис! – сказал он, глядя ее по лбу. – А все-таки попробуй-ка снова заснуть и не думай о снах!

Этой ночью в крошечной комнате на опушке первобытного леса, в ту пору, когда леопард визжал перед дверью, а из-за холма доносился глухой рев льва, – у четы Клейтон родился маленький сын.

Леди Грейсток так и не оправилась от потрясения, вызванного нападением большой обезьяны. Она жила еще год после того, как родился ребенок, но уже ни разу не выходила из хижины и не сознавала, что она не в Англии.

Иногда она задавала Клейтону вопросы относительно страшных ночных шумов, спрашивала, почему нет прислуги, и куда девались все знакомые. Говорила о странной обстановке своей комнаты. Но хотя Клейтон и не пытался скрывать от нее правды, она не могла понять его слов.

В других отношениях она была, впрочем, совершенно нормальна. А радость и счастье, доставляемые ей ее маленьким сыном, и постоянное внимание и попечение о ней ее мужа сделали этот год для нее очень счастливым – самым счастливым в ее молодой жизни.

Клейтон хорошо понимал, что если бы она владела вполне своими умственными способностями, то этот год был бы для нее непрерывным мучительным чередованием тревог и волнений. Поэтому, хотя он и горько страдал, видя ее в таком состоянии, но временами был почти рад тому, что она не может сознавать настоящего положения вещей.

Он давно уже отказался от всякой надежды на спасение. Спасти их могла лишь какая-нибудь случайность. Все с тем же рвением трудился он над усовершенствованием внутренности хижины. Шкуры львов и пантер устилали пол; стены были украшены полками и шкафчиками. Прекрасные цветы тропинкой распускались в причудливых вазах, сделанных его руками из глины. Занавеси из трав и бамбука закрывали окна и – что было труднее всего при том скудном подборе инструментов, которыми он располагал, – ему удалось гладко обстругать доски для обшивки стен, потолка и пола.

То, что он оказался способен своими руками исполнить такую непривычную для него работу, служило ему постоянным источником радостного удивления. Он любил свою работу; ведь он исполнял ее для жены и для крошки, который был отрадой им обоим, хотя и увеличивал в сотни раз ответственность и ужас его положения.

В этом году на Клейтона несколько раз нападали большие обезьяны. Эти страшные человекоподобные бродили теперь, по-видимому, в большом числе по окрестностям. Но так как Клейтон никогда уже не выходил без ружья и револьверов, он не очень боялся этих огромных зверей.

Он укрепил решетки окон и приделал к двери деревянный замок. Когда он уходил на охоту за дичью, или собирал плоды для поддержания запасов питания, он уже не боялся вторжения зверей в маленькую хижину.

Первое время он убивал дичь прямо из окон хижины, не выходя из дома, но под конец животные стали бояться и избегать странного логовища, из которого вылетал ужасающий гром его ружья.

В свободное время Клейтон часто читал вслух жене книги, взятые им с собой из Англии. В их числе было много детских книг с картинками и азбуки. Они рассчитывали при отъезде, что, прежде чем они смогут вернуться в Англию, их ребенок успеет достаточно подрасти для такого чтения.

В свободные часы Клейтон иногда писал свой дневник, – по своей привычке всегда по-французски. Он заносил в дневник все подробности их странной жизни; эту тетрадь держал он запертой в маленькой металлической шкатулке.

Ровно через год после рождения маленького сына, леди Элис тихо скончалась. Ее смерть была до того спокойной, что прошло несколько часов прежде, чем Клейтон понял, что жена его действительно умерла.

Ужас его положения не сразу проник в его сознание. Он, по-видимому, не вполне оценил значение этой утраты и страшную ответственность, связанную с заботами о маленьком грудном ребенке, выпавшую на его долю.

Последняя запись в его дневнике была сделана утром сразу после смерти жены; в ней он сообщает печальные подробности случившегося... Сообщает деловым тоном, в котором сквозит страшная усталость, апатия и безнадежность, и который еще усиливает трагический смысл написанного.

– Мой маленький сын плачет, требуя пищи. О, Элис, Элис, что мне делать?

Когда Джон Клейтон написал эти слова – последние, которые ему было суждено написать, – он устало опустил голову на руки и склонился над столом, сделанным им для той, которая лежала теперь неподвижная и холодная в постели около него.

Долгое время ни один звук не нарушал мертвой тишины джунглей, кроме жалобного плача ребенка.

IV. Обезьяны

В лесу на плоскогорье, на расстоянии одной мили от океана, старый Керчак, глава обезьяньего племени, рычал и метался в припадке бешенства.

Более молодые и проворные обезьяны взобрались на самые высокие ветви громадных деревьев, чтобы не попасться ему в лапы. Они предпочитали рисковать жизнью, качаясь на гнущихся под их тяжестью ветках, чем оставаться поблизости от старого Керчака во время одного из его тяжких припадков неукротимой ярости.

Другие самцы разбежались по всем направлениям. Взбешенное животное успело переломить позвонки одному из них своими громадными забрызганными пеной клыками.

Несчастливая молодая самка сорвалась с высокой ветки и свалилась на землю к ногам Керчака.

Он бросился на нее с диким воплем и вырвал могучими клыками громадный кусок мяса из ее бока. Затем, схватив сломанный сук, он принялся злобно бить ее по голове и плечам, пока череп не превратился в мягкую массу.

И тогда он увидел Калу. Возвращаясь со своим детенышем после поисков пищи, она не знала о настроении могучего самца. Внезапно раздавшиеся пронзительные предостерегающие крики ее соплеменников заставили ее искать спасения в безумном бегстве.

Но Керчак погнался за ней и почти схватил ее за ногу; она сделала отчаянный прыжок в пространство с одного дерева на другое – опасный прыжок, который обезьяны делают, только когда нет другого исхода.

Прыжок удался ей, но когда она схватилась за сук дерева, внезапный толчок сорвал висевшего на ее шее детеныша, и бедное существо, вертясь и извиваясь, полетело на землю с высоты тридцати футов.

С тихим стоном, забыв о страшном Керчаке, бросилась Кала к нему. Но когда она прижала к груди крохотное изуродованное тельце, жизнь уже оставила его.

Она сидела печально, качая маленькую обезьяну; и Керчак уже не пытался ее тревожить. Со смертью детеныша припадок демонического бешенства прошел у него так же внезапно, как и начался.

Керчак был огромный обезьяний царь, весом, быть может, в триста пятьдесят фунтов. Лоб он имел низкий и покатый, глаза налитые кровью, очень маленькие и близко посаженные у широкого плоского носа; уши широкие и тонкие, но размерами меньшие, чем у большинства его племени.

Его ужасный нрав и могучая сила сделали его властелином маленького племени, в котором он родился лет двадцать тому назад.

Теперь, когда он достиг полного расцвета своих сил, во всем огромном лесу не было обезьяны, которая осмелилась бы оспаривать у него право на власть. Другие крупные звери тоже не тревожили его.

Из всех диких зверей один только старый слон Тантор не боялся его – и его одного лишь боялся Керчак. Когда Тантор трубил, большая обезьяна забиралась со своими соплеменниками на вторую террасу деревьев. Племя антропоидов, над которыми, благодаря своим железным лапам и оскаленным клыкам, владычествовал Керчак, насчитывало шесть или восемь семейств. Каждое из них состояло из взрослого самца с женами и детенышами, так что всего в племени было от шестидесяти до семидесяти обезьян.

Кала была младшей женой самца по имени Тублат, что обозначало «сломанный нос», и детеныш, который насмерть разбился у нее на глазах, был ее первенцем. Ей самой было всего девять или десять лет.

Несмотря на молодость, это было крупное, сильное, хорошо сложенное животное с высоким, круглым лбом, который указывал на большую смышленость, чем у остальных ее сородичей. Она обладала поэтому также и большей способностью к материнской любви и материнскому горю.

И все же она была обезьяной, – громадным, свирепым, страшным животным из породы, близкой к породе горилл, – правда, несколько более смышленной, чем сами гориллы, что в соединении с силой Керчака делало ее племя самым страшным изо всех племен человекообразных обезьян.

Когда племя заметило, что бешенство Керчака улеглось, все медленно спустились со своих древесных убежищ на землю и принялись снова за прерванные занятия.

Детеныши играли и резвились между деревьями и кустами. Взрослые обезьяны лежали на мягком ковре из гниющей растительности, покрывавшем почву. Другие переворачивали упавшие ветки и гнилые пни в поисках маленьких насекомых и пресмыкающихся, которых они тут же поедали. Некоторые обследовали деревья и кусты, разыскивая плоды, орехи, маленьких птичек и яйца.

Они провели в этих занятиях около часа; затем Керчак созвал всех и приказал следовать за ним по направлению к морю.

В открытых местах обезьяны шли большей частью по земле, пробираясь по следам больших слонов – этим единственным проходам в густо перепутанной массе кустов, лиан, вьющихся стволов и деревьев. Их походка была неуклюжа, медленна; они переваливались с ноги на ногу, ставя суставы сжатых рук на землю и вскидывая вперед свое неловкое тело.

Но когда дорога вела через молодой лес, они передвигались гораздо быстрее, перепрыгивая с ветки на ветку с ловкостью своих маленьких сородичей-мартышек. Кала все время несла крохотное мертвое тело детеныша, крепко прижимая его к груди.

Вскоре после полудня шествие достигло холма, господствовавшего над взморьем, откуда виднелась маленькая хижина. А к ней и направлялся Керчак.

Он видал, как многие из его племени погибали от грома, исходившего из маленькой черной палочки в руках белой обезьяны, обитающей в странном логовище.

В своем грубом уме, Керчак решил во что бы то ни стало добыть эту палку, несущую смерть, и исследовать снаружи и внутри таинственную берлогу.

Он горел желанием впиться в шею страшного животного, которого он боялся и ненавидел. Часто выходил он со своим племенем на разведку, выжидая момента, когда белая обезьяна попадетя врасплох.

За последнее время обезьяны не только перестали нападать, но даже и показываться около хижины. Они заметили, что каждый раз маленькая черная палочка с громом несла им смерть.

В этот день они не видели человека. Дверь хижины была открыта. Медленно, осторожно и безмолвно поползли обезьяны сквозь джунгли к маленькой хижине. Не слышно было ни рычания, ни криков бешенства – маленькая черная палочка научила их приближаться тихо, чтобы не разбудить ее.

Ближе и ближе подходили они, пока Керчак не подкрался к самой двери и не заглянул в нее. Позади него стояли два самца и Кала, крепко прижимавшая к груди мертвое тельце.

Внутри берлоги они увидели белую обезьяну; она лежала почти поперек стола, с головой, опущенной на руки. На постели виднелась другая фигура, прикрытая парусом, в то время как из крошечной деревянной колыбели доносился жалобный плач малютки.

Керчак неслышно вошел и приготовился к прыжку. Но в эту минуту Джон Клейтон встал и обернулся к обезьянам.

Зрелище, которое он увидел, заледенило всю кровь в его жилах. У дверей стояло трое самцов-обезьян, а за ними столпились другие, – сколько их там было всего, он так никогда и не узнал. Револьверы и ружья висели далеко на стене. Керчак кинулся на него.

Когда царь обезьян отпустил безжизненное тело того, кто еще за минуту перед тем был Джон Клейтоном, лордом Грейстоком, он обратил внимание на маленькую колыбель и потянулся к ней. Но Кала предупредила его намерения. Прежде чем успели ее остановить, она схватила маленького живого младенца, шмыгнула в дверь и забралась со своей ношей на дерево.

Она оставила в пустой колыбели своего мертвого детеныша. Плач живого ребенка возбудил в ней материнскую нежность, которая была уже не нужна мертвому.

Усевшись высоко среди могучих ветвей, Кала прижала плачущего ребенка к груди; он инстинктивно почувствовал мать и затих.

Сын английского лорда и английской леди стал кормиться грудью большой обезьяны Калы.

Между тем звери осматривали все находившееся внутри странной берлоги.

Убедившись, что Клейтон умер, Керчак обратил внимание на предмет, лежавший на постели и прикрытый парусом.

Он осторожно приподнял край покрывала, увидел под ним тело женщины, грубо сорвал с него полотно, схватил огромными волосатыми руками неподвижное белое горло и бросился на нее.

Он глубоко запустил свои клыки в холодное тело, но понял, что женщина мертва, отвернулся, заинтересованный обстановкой комнаты – и больше уже не тревожил ни леди Элис, ни лорда Джона.

Ружье, висевшее на стене, более всего привлекало его внимание.

Он много месяцев мечтал об этой странной палке.

Теперь она была в его власти, а он не смел до нее дотронуться.

Осторожно подошел он к ружью, готовый удрать, как только палка заговорит оглушительным, рокочущим голосом, как часто говорила она тем из его племени, кто по незнанию, или по необдуманности, нападали на ее белого хозяина.

В его зверином рассудке глубоко таилось нечто, подсказывающее ему, что громоносная палка была опасна только в руках того, кто умел с нею обращаться. Но прошло несколько минут, пока, наконец, он решился до нее дотронуться.

Он ходил взад и вперед мимо палки, поворачивая голову так, чтобы не спускать глаз с интересовавшего его предмета.

Мощный царь обезьян бродил по комнате на своих длинных лапах, как человек на костылях, качаясь на каждом шагу, и издавал глухое рычание, прерываемое пронзительным воем, страшнее которого нет в джунглях.

Наконец, он остановился перед ружьем. Он медленно поднял огромную лапу и прикоснулся к блестящему стволу, но сразу отдернул ее и снова заходил по комнате. Казалось, будто огромное животное диким рычанием старалось возбудить свою смелость до того, чтобы взять ружье в свои лапы.

Он остановился, вновь еще раз заставил свою руку неуверенно дотронуться до холодной стали, и почти тотчас же снова отдернул ее и возобновил свою тревожную прогулку.

Это повторилось много раз, и движения животного становились все увереннее; наконец, ружье было сорвано с крюка. Громадный зверь зажал его в своей лапе. Убедившись, что палка не причиняет ему вреда, Керчак занялся подробным осмотром ее. Он ощупал ружье со всех сторон, заглянул в черную глубину дула, потрогал мушку, ремень и, наконец, курок.

Забравшиеся в хижину обезьяны сидели в это время у двери, наблюдая за своим главой. Другие толпились снаружи у входа, вытягивая шеи и стараясь заглянуть внутрь. Случайно Кер-

чак нажал курок. Оглушительный грохот пронесся по маленькой комнате, и звери, бывшие у дверей и за дверями, повалились, давя друг друга в безумной панике.

Керчак был тоже испуган – так испуган, что забыл даже выпустить из рук виновника этого ужасного шума и бросился к двери, крепко сжимая ружье в руке.

Он выскочил наружу, но ружье зацепилось за дверь, и она плотно захлопнулась за улетающими обезьянами.

На некотором расстоянии от хижины Керчак остановился, всмотрелся – и вдруг заметил, что все еще держит в руке ружье. Он его отбросил торопливо, как будто железо было раскалено докрасна. Ему уже не хотелось взять палку. Зверь не выдержал ужасного грохота. Но зато он убедился, что страшная палка сама по себе совершенно безвредна.

Прошел целый час, прежде чем обезьяны набрались храбрости и снова приблизились к хижине. Но когда они, наконец решились, то к своему огорчению увидели, что дверь была закрыта так крепко и прочно, что никакие усилия открыть ее не привели ни к чему. Хитроумно сооруженный Клейтоном замок запер дверь за спиной Керчака, и все попытки обезьян проникнуть сквозь решетчатые окна тоже не увенчались успехом.

Побродив некоторое время в окрестностях, они отправились в обратный путь в чащу леса, к плоскогорью, откуда пришли.

Кала ни разу не спустилась на землю со своим маленьким приемыш, но когда Керчак приказал ей слезть, она, убедившись, что в его голосе нет гнева, легко спустилась с ветки на ветку и присоединилась к другим обезьянам, которые направлялись домой.

Тех из обезьян, которые пытались осмотреть ее странного детеныша, Кала встречала обкаленными клыками и глухим, угрожающим рычанием.

Когда ее стали уверять в том, что никто не хочет нанести вред детенышу, она позволила подойти поближе, но не дала никому прикоснуться к своей ноше.

Она чувствовала, что детеныш слаб и хрупок, и боялась, что грубые лапы ее соплеменников могут повредить малютке.

Ее путешествие было особенно трудным, так как она все время цеплялась за ветки одной рукой. Другой она отчаянно прижимала к себе нового детеныша, где бы они ни шли. Детеныши других обезьян сидели на спинах матерей, крепко держась руками за волосатые их шеи и обхватывая их ногами под мышки, – и не мешали их движениям. Кала несла крошечного лорда Грейстока крепко прижатым к своей груди, и нежные ручонки ребенка цеплялись за длинные черные волосы, покрывавшие эту часть ее тела.

Кале было трудно, неудобно, тяжело. Но она помнила, как один ее детеныш, сорвавшись с ее спины, встретил ужасную смерть, и уже не хотела рисковать другим.

У. Белая обезьяна

Нежно вскармливала Кала своего найденыша, втихомолку удивляясь лишь тому, отчего он не делается сильным и ловким, как маленькие обезьянки других матерей.

Прошел год с того дня, как ребенок попал ей в руки, а он только что начинал ходить. А в лазанье по деревьям он был уже совсем бестолковый!

Иногда Кала говорила со старшими самками о своем милом ребенке; ни одна из них не могла понять, почему он такой отсталый и непонятливый, хотя бы, например, в таком простом деле, как добывание себе пищи.

Он не умел находить себе еду, а уже больше двадцати лун прошло с того дня, как Кала взяла его к себе.

Знай она, что ребенок уже прожил на свете целых тринадцать лун прежде, чем попасть в ее руки, – она сочла бы его совершенно безнадежным. Ведь маленькие обезьяны ее племени были более развиты после двух или трех лун, чем этот маленький чужак после двадцати пяти.

Муж Калы, Тублат, испытывал величайшую ненависть к этому детенышу, и если бы самка не охраняла его самым ревностным и заботливым образом, он давно бы нашел случай убраться малютку со своей дороги.

– Он не будет никогда большой обезьяной, – рассуждал Тублат. – И тебе, Кала, вечно придется таскать его на себе и заботиться о нем. Какая польза от него для нас и для нашего племени? Лучше всего бросить его, когда он уснет, в траве, а ты выносишь сильных обезьян, которые сумеют оберегать нашу старость.

– Нет, Сломанный Нос, ни за что, – возразила Кала, – если бы мне пришлось даже всю жизнь носить его!

Тогда Тублат обратился к самому Керчаку и потребовал, чтобы царь своею властью заставил Калу отказаться от Тарзана. Так назван был маленький лорд Грейсток. Имя это означало «белая кожа».

Но когда Керчак заговорил с Калой о ребенке, она заявила, что убежит из племени, если ее с ее детенышем не оставят в покое. А так как каждый из обитателей джунглей имеет право уйти из племени, если оно ему не по душе, то Керчак ее больше не беспокоил, боясь потерять Калу – красивую, хорошо сложенную, молодую самку.

Но Тарзан подрастал; он все быстрее и быстрее развивался и догонял в успехах своих сверстников-обезьян. Когда ему минуло десять лет, он уже превосходно лазил по деревьям, а на земле мог проделывать такие фокусы, которые были не по силам его маленьким братьям и сестрам.

Он отличался от них во многом. Часто они дивились его изумительной хитрости. Но он был ниже их ростом и слабее. В десять лет человекообразные обезьяны уже совсем взрослые звери, и некоторые из них догоняют к этой поре шести футов. Тарзан же все еще был подростком-мальчиком. Но зато каким мальчиком!

С первых дней детства он научился ловко пускать в дело руки, когда прыгал с ветки на ветку, по примеру своей гигантской матери. Подрастая, он ежедневно целыми часами гонялся по верхушкам деревьев за своими братьями и сестрами.

Он выучился делать прыжки в двадцать футов на головокружительной высоте и мог с безошибочной точностью и без видимого напряжения ухватиться за ветку, бешено раскачивающуюся от вихря. Он мог на высоте двадцати футов перебрасываться с ветки на ветку, молниеносно спускаясь на землю, и был в состоянии с легкостью и быстротой белки взбираться на самую вершину высокого тропического гиганта.

Ему было всего десять лет, а он уже был силен, как здоровый тридцатилетний мужчина, и обладал несравненно большей подвижностью, чем тренированный атлет. И день ото дня силы его прибывали.

Жизнь Тарзана среди этих свирепых обезьян текла счастливо, потому что он не помнил иной жизни и не знал, что во вселенной есть что-нибудь, кроме необозримых лесов и зверей джунглей.

Когда ему исполнилось десять лет, он начал понимать, что между ним и его товарищами существует большая разница. Маленькое его тело, коричневое от загара, стало вдруг вызывать в нем острое чувство стыда, потому что он заметил, что оно совершенно безволосое и голое, как тело презренной змеи или другого пресмыкающегося.

Он пытался поправить дело, обмазав себя с ног до головы грязью. Но грязь пересохла и облупилась. Вдобавок это причинило ему такое неприятное ощущение, что он решил лучше переносить стыд, чем подобное неудобство.

На равнине, которую часто посещало его племя, было маленькое озеро, и в нем впервые увидел Тарзан свое лицо отраженным в зеркале светлых, прозрачных вод.

Однажды в знойный день, в период засухи, он и один из его сверстников отправились к озеру пить. Когда они нагнулись, в тихой воде отразились оба лица: свирепые и страшные черты обезьяны рядом с тонкими чертами аристократического отпрыска старинного английского рода.

Тарзан был ошеломлен. Мало еще того, что он был безволосым! У него оказывается такое безобразное лицо! Он удивился, как другие обезьяны могли переносить его.

Какой противный маленький рот и крохотные белые зубы! На что они были похожи рядом с могучими губами и клыками его счастливых братьев?

А этот тонкий нос – такой жалкий и убогий, словно он исхудал от голода! Тарзан покраснел, когда сравнил свой нос с великолепными широкими ноздрями своего спутника. Вот у того, действительно, красивый нос! Он занимает почти половину лица! – «Хорошо быть таким красавцем!» – с горечью подумал бедный маленький Тарзан.

Но когда он рассмотрел свои глаза, то окончательно пал духом. Темное пятно, серый зрачок, а кругом одна белизна! Отвратительно! Даже у змеи нет таких гадких глаз, как у него!

Он был так углублен в осмотр своей внешности, что не услышал шороха высоких трав, раздвинутых за ним огромным зверем, который пробирался сквозь джунгли. Не слышал ничего и его товарищ-обезьяна: он в это время жадно пил, и чмокание сосущих губ заглушало шум шагов тихо подкрадывающегося врага.

Позади них, на берегу, шагах в тридцати, притаилась Сабор, большая свирепая львица. Нервно подергивая хвостом, она осторожно выставила вперед большую мягкую лапу и бесшумно опустила ее на землю. Почти касаясь брюхом земли, ползла эта хищная большая кошка, готовая прыгнуть на свою добычу.

Теперь она была на расстоянии всего каких-нибудь десяти футов от обоих, ничего не подозревавших, подростков. Львица медленно подобрала под себя задние ноги, и большие мускулы красиво напряглись под золотистой шкурой.

Она так плотно прижалась к траве, что, казалось, будто вся расплющилась; только изгиб спины возвышался над почвой.

Хвост больше не двигался. Он лежал сзади нее, напряженный и прямой, как палка.

Одно мгновение она выжидала, словно окаменев. А затем с ужасающим ревом прыгнула.

Львица Сабор была мудрым охотником. Менее мудрому свирепый рев ее, сопровождавший прыжок, мог бы показаться глупым. Разве не вернее напасть на жертву, прыгнув на нее безмолвно?

Но Сабор знала быстроту обитателей джунглей и почти невероятную остроту их слуха. Для них внезапный шорох травяного стебля был таким же ясным предостережением, как самый громкий вой. Сабор понимала, что ей все равно не удастся бесшумно прыгнуть из-за кустов.

Не предостережением был ее дикий крик. Она испустила его, чтобы бедные жертвы оцепенели от ужаса на тот краткий миг, пока она не запустит своих когтей в их мягкое тело.

Поскольку дело касалось обезьяны, Сабор рассудила правильно. Звереныш оцепенел на мгновение, но этого мгновения оказалось вполне достаточно для его гибели.

Но то Тарзан, дитя человека. Жизнь в джунглях, среди постоянных опасностей, приучила его отважно встречать всякие случайности, а более высокий ум его выявлял себя в такой быстроте соображения, которая была не по силам обезьянам.

Вой львицы Сабор наэлектризовал мозг и мускулы маленького Тарзана, и он приготовился к моментальному отпору.

Перед ним были глубокие воды озера, за ним неизбежная смерть, жестокая смерть от когтей и клыков.

Тарзан всегда ненавидел воду и признавал ее только как средство для утоления жажды. Он ненавидел ее, потому что связывал с ней представление о холоде, о проливных дождях, сопровождаемых молнией и громом, которых он боялся.

Его дикая мать научила избегать глубоких вод озера; разве он не видел сам, несколько недель до того, как маленькая Пита погрузилась под спокойную поверхность воды и больше не вернулась к племени?

Но из двух зол быстрый его ум избрал меньшее. Не успел замереть крик Сабор, нарушивший тишину джунглей, как Тарзан почувствовал, что холодная вода сомкнулась над его головой.

Он не умел плавать, а озеро было глубокое; но он не потерял ничего от своей обычной самоуверенности и находчивости. Эти черты являлись отличительными признаками его изобретательного ума.

Он стал энергично барахтаться руками и ногами, пытаясь выбраться наверх, и инстинктивно стал делать движения, подобные движениям плывущих собак. Через несколько секунд нос его оказался над поверхностью воды, и он понял, что продолжая такого рода движения, он сможет держаться на воде и даже двигаться в ней.

Тарзан был изумлен и обрадован этим новым познанием, так неожиданно приобретенным им, но у него не было времени долго об этом думать.

Он плыл теперь параллельно берегу и видел жестокого зверя, который притаившись над безжизненным телом его маленького приятеля, схватил бы, конечно, и его.

Львица напряженно следила за Тарзаном, очевидно, предполагая, что он вернется на берег; но мальчик и не думал это делать. Вместо того, он испустил громкий предостерегающий крик своего племени.

Почти немедленно издали донесся ответ, и тотчас же сорок или пятьдесят обезьян помчались по деревьям к месту трагедии.

Впереди всех неслась Кала, потому что она узнала голос своего любимого детеныша, а с нею была и мать той маленькой обезьянки, которая уже лежала мертвой под жестокой Сабор.

Огромная львица, лучше вооруженная для сражения, чем человекоподобные, все же не желала встретить этих бешеных взрослых самцов.

Яростно рыча, она быстро прыгнула в кусты и скрылась.

Тарзан подплыл теперь к берегу и поспешно вылез на сушу. Чувство свежести и удовольствия, доставленное ему холодной водой, наполняло его маленькое существо радостным изумлением. Впоследствии он никогда не упускал случая окунуться в озеро, реку или океан, как только предоставлялась возможность.

Долгое время Кала не могла привыкнуть к такому зрелищу, потому что, хотя обезьяны и умеют плавать, когда бывают вынуждены к этому, но избегают погружаться в воду и никогда не делают этого добровольно.

Приключение с львицей стало одним из приятных воспоминаний Тарзана: такого рода происшествия нарушали однообразие повседневной жизни. Без таких случаев, его жизнь являлась бы лишь скучной чередой поисков пищи, еды и сна.

Племя, к которому принадлежал Тарзан, кочевало по местности, простирившейся на двадцать пять миль вдоль морского берега и на пятьдесят миль приблизительно вглубь страны. Изю дня в день бродили обезьяны по этой территории, по временам оставаясь целые месяцы в одном и том же месте. Но так как они передвигались по деревьям гораздо быстрее, чем по земле, они часто проходили это расстояние и в несколько дней.

Переходы и остановки зависели от обилия или недостатка пищи, от природных условий местности и от наличия опасных зверей. Следует, однако, сказать, что Керчак зачастую заставлял обезьян делать длинные переходы только по той причине, что ему было скучно долго оставаться на одном и том же месте.

Ночью они спали там, где их застигала темнота, спали, лежа на земле и иногда покрывая себе голову, а изредка и все тело большими листьями громадного лопуха. Чаще, если ночи были холодные, то, чтобы согреться, они лежали, прижавшись друг к другу, по-двое или по-трое; таким образом и Тарзан все эти годы по ночам спал в объятиях Калы.

Не было никаких сомнений, что огромное свирепое животное горячо любило своего белого детеныша. Он, со своей стороны, платил большому волосатому зверю всей той нежностью, которая была бы обращена к его прекрасной молодой матери если бы она не умерла.

Правда, когда Тарзан не слушался Калы, она слегка его шлепала, но гораздо чаще ласкала, чем наказывала.

Однако Тублат, ее муж, продолжал ненавидеть Тарзана и искал случая покончить с белой обезьяной.

Со своей стороны, и Тарзан пользовался всяким удобным случаем, чтобы показать, что и он отвечает полной взаимностью на чувства своего приемного отца. Если только он мог безопасно досадить ему, состроить рожу или послать бранное слово, находясь в надежных объятиях матери, он это делал непременно.

Изобретательный ум и хитрость помогали Тарзану измышлять сотни дьявольских проделок, чтобы насолить Тублату и отравить его и без того тяжелое обезьянье существование.

Еще в раннем детстве Тарзан научился вить веревки, скручивая и связывая длинные травы. Этими веревками он при всяком удобном случае стегал Тублата, или пытался схватить его под мышки и подвесить на низких ветвях дерева.

Играя постоянно с веревками, Тарзан научился вязать грубые узлы и делать затяжные петли, чем забавлялись вместе с ним и маленькие обезьяны. Они пытались подражать Тарзану, но он один изобретал и доводил выдумки до совершенства.

Однажды, играя таким образом, Тарзан закинул петлю на одного из бежавших с ними товарищей, придерживая другой конец веревки в своей руке. Петля случайно обвилась вокруг шеи обезьяны, принудив ее круто остановиться среди разбега самым неожиданным образом.

– Ага, вот новая игра, и хорошая игра! – подумал Тарзан в тотчас же попытался повторить эту штуку. После того, постоянной практикой и старательными упражнениями, он отлично научился искусству закидывания на шею жертвы петли аркана.

И вот тогда-то жизнь Тублата превратилась в какой-то кошмар. Спал ли он, шел ли он ночью и днем, он никогда не мог быть уверен, что невидимая беззвучная петля не охватит его шеи и не задушит его.

Кала наказывала Тарзана, Тублат клялся жестоко отомстить ему, даже старый Керчак обратил внимание на его шалости, предостерегал его, грозил, но все было напрасно – Тарзан

никого не слушался, и тоненькая крепкая петля охватывала шею Тублата, когда тот меньше всего ожидал нападения.

Другим обезьянам эти вечные проделки Тарзана с Тублатом казались забавными, так как «Сломанный нос» был тяжелый старик, которого никто не любил.

В светлой головке Тарзана зарождались новые мысли, созданные его человеческим разумом.

Если он мог ловить своих соплеменников-обезьян длинным арканом из трав, почему бы не попытаться ему поймать им и львицу Сабор?

Это был лишь зародыш мысли, и ей суждено было медленно созреть и таиться в его подсознании, пока, наконец, эта идея не осуществилась самым блистательным образом.

Но случилось это уже много позже.

VI. Бой в джунглях

Постоянные скитания часто приводили обезьян к запертой и безмолвной хижине у маленькой бухты. Ее таинственность была для Тарзана неиссякаемым источником интереса.

Он заглядывал в занавешенные окна, или взбирался на крышу и смотрел в черное отверстие трубы, тщетно ломая себе голову над неведомыми чудесами, заключенными среди этих крепких стен.

Его детское воображение создавало фантастические образы удивительных существ, находящихся внутри хижины. Особенно подзадоривала его вторгнуться в закрытую дверь полная невыполнимость этого плана.

Он лазил часами вокруг крыши и окон, пытаясь найти вход, но почти не обратил внимания на дверь, потому что она, по внешнему виду, мало отличалась от массивных и неприступных стен.

Вскоре после своего приключения со старой Сабор, Тарзан снова посетил хижину и, подойдя к ней, заметил, что, с некоторого расстояния, дверь казалась как бы отдельной частью строения, независимой от прилегающих к ней стен. Впервые ему пришла мысль, что, быть может, здесь-то и кроется так долго ускользавший от него способ вторжения в хижину.

Он был один, что случалось часто, когда он бродил около хижины, потому что обезьяны ее избегали. История о палке, извергающей грома, еще жила в их памяти, и пустынное обиталище неведомого белого человека оставалось окутанным атмосферой ужаса и тайны.

О том, что он сам был найден здесь – Тарзан не знал. Эта история ему не была никем рассказана. В обезьяньем языке так мало слов, что их хватало самое большее на то, чтобы поведать о палке с громом. Но для описания неведомых странных существ, их обстановки и вещей язык обезьян был бессилён. И поэтому, задолго перед тем, как Тарзан вырос настолько, чтобы понять эту историю, она была попросту забыта племенем.

Кала туманно и смутно объяснила Тарзану, что отец его был странной белой обезьяной, но мальчик не знал, что Кала не была ему родной матерью.

Итак, он в тот день направился прямо к двери и провел много часов, исследуя ее; он долго возился с петлями, с ручкой, с засовом. Наконец, он попал на правильный прием, и дверь с треском раскрылась перед его удивленными взорами.

Несколько минут он не решался войти, но когда, наконец, его глаза свыклись с тусклым светом комнаты, он медленно и осторожно пробрался туда.

Посреди пола лежал скелет, без малейших следов плоти на костях; к костям налипли истлевшие, покрытые плесенью остатки того, что когда-то было одеждой. На постели Тарзан заметил другой такой же страшный предмет, но уже меньшего размера, а в крошечной колыбели около кровати лежало третье, крохотное подобие скелета.

Мальчик только мимоходом обратил внимание на эти свидетельства страшной трагедии давно минувших дней. Джунгли приучили его к зрелищу мертвых и умирающих животных. Если бы он даже знал, что он смотрит на останки родного отца и матери, и тогда он не был бы очень потрясен.

Внимание его привлекла обстановка и находившиеся в комнате предметы. Он стал подробно и внимательно рассматривать все это: странные инструменты, оружие, книги, бумаги, одежду – то немногое, что уцелело от разрушительного действия времени в сырой атмосфере прибрежных джунглей.

Затем он открыл те ящики и шкафы, с которыми смог справиться благодаря только что приобретенному опыту. То, что он нашел в них, сохранилось гораздо лучше.

В числе других вещей там был охотничий нож, об острое лезвие которого Тарзан немедленно порезал себе палец. Нимало не смущаясь, он продолжал свои опыты и убедился, что этой штукой можно откалывать щепки от столов и стульев.

Долгое время это занятие забавляло его, но наконец наскучило, и он продолжал свои поиски. В одном из наполненных книгами шкафов ему попалась книга с ярко раскрашенными картинками. Это была детская иллюстрированная азбука.

С А начинается Аист, Гнездо свое вьет он на крыше. С Б начинается Башня, Домов всех вокруг она выше.

Картинки его увлекли необычайно.

Он увидел много белых обезьян, похожих на него лицом.

Дальше в книге он нашел несколько маленьких мартышек, похожих на тех, которых он видел прыгающими на деревьях первобытного леса. Но нигде он не встретил обезьян своего племени; во всей книге не было видно ни Керчака, ни Тублата, ни Калы.

Сначала Тарзан пытался снять пальцами маленькие фигурки со страниц, но быстро понял, что они не настоящие. Он не имел понятия о том, что они такое, и не находил в своем первобытном языке слов, чтобы назвать их.

Пароходы, поезда, коровы и лошади не имели для него никакого смысла, они скользили мимо внимания и не беспокоили его. Но что особенно заинтересовало Тарзана и даже сбивало его с толку, это многочисленные черные фигурки внизу и между раскрашенными картинками, – что-то вроде букашек, подумалось ему – потому что у многих из них были ноги, но ни у одной не было ни рук, ни глаз. Это было его первое знакомство с буквами алфавита. Ему было тогда уже больше десяти лет от роду.

Он, никогда не выдавший ничего печатного, никогда не говоривший с кем-либо, кто имел бы хотя отдаленное представление о существовании писанной речи, никак не мог угадать значение этих странных фигурок.

В середине книги он нашел своего старого врага Сабор, львицу, а затем и змею Хисту, свернувшуюся клубком.

О, как это было занимательно! Никогда за все десять лет своей жизни он не испытывал такого огромного удовольствия. Он так увлекся, что даже не обратил внимания на приближающиеся сумерки, пока они не надвинулись на него и не смешали во тьме все рисунки.

Тарзан положил книгу назад в шкаф и притворил дверь, потому что не хотел, чтобы кто-нибудь другой нашел и уничтожил его сокровище. Выйдя в сгущающуюся тьму, он закрыл за собой большую дверь хижины так, как она была закрыта раньше. Но прежде чем уйти, он заметил охотничий нож, лежавший на полу. Он поднял его и взял с собою, чтобы показать своим товарищам.

Едва только он вступил в джунгли, как из тени низкого куста встала пред ним огромная фигура. Сначала он принял ее за обезьяну своего племени, но через мгновение сообразил, что перед ним Болгани, громадная горилла.

Мальчик стоял так близко к ней, что бежать было уже невозможно, и маленький Тарзан понял, что единственный выход – остаться на месте и биться, биться насмерть, потому что эти большие звери были смертельными врагами его соплеменников и, встретившись с ними, никогда не просили и не давали пощады.

Если бы Тарзан был взрослым самцом обезьяньего племени Керчака, он был бы серьезным противником для гориллы, но он был лишь маленьким английским мальчиком, правда – необычайно крепким и мускулистым для своего возраста, и конечно не мог сравниться со своим страшным противником.

Но в его жилах текла кровь того народа, в среде которого много могучих бойцов и ловких спортсменов, к тому же у него была еще и собственная тренировка, приобретенная им в его жизни среди хищных зверей джунглей.

Тарзану было чуждо понятие страха так, как его понимаем мы; его маленькое сердце билось учащенно, но от одного возбуждения. Если бы представилась возможность бежать, он конечно воспользовался бы этой возможностью, но только потому, что рассудок ему говорил, что он неровня громадному зверю. Когда же разум подсказал ему, что бегство невыносимо, Тарзан смело и храбро встретил гориллу. Ни один мускул не дрогнул на его лице, – бесстрашно встретился он с ужасной обезьяной. Он схватился со зверем, едва тот прыгнул на него, и бил его громадное тело своими кулаками, разумеется – столь же безрезультатно, как если бы муха ударила слона. Но в одной руке Тарзан все еще держал нож, подобранный им в хижине отца, и когда зверь, кусаясь, опять бросился на него, мальчик случайно ударил острием ножа волосатую грудь гориллы. Нож глубоко вонзился в тело, и зверь завыл от боли и бешенства.

В один миг мальчик узнал употребление своей острой блестящей игрушки. Он немедленно воспользовался этим новым знанием, и когда терзающий, кусающийся зверь повалил его на землю, он несколько раз погрузил ему нож в грудь по самую рукоять.

Горилла, сражаясь по приемам своей породы, наносила мальчику ужасающие удары лапой и терзала ему горло и грудь своими могучими клыками. Некоторое время они катались по земле в диком бешенстве сражения. Истерзанный и залитый кровью ребенок все слабее и слабее наносил удары длинным лезвием своего ножа, затем маленькая фигурка судорожно вытянулась, и Тарзан, молодой лорд Грейсток, покатился без признаков жизни на гниющую растительность, устилавшую почву его родных джунглей.

Племя Керчака услышало издали свирепый вызов гориллы, и, как всегда, когда угрожала опасность, Керчак сейчас же собрал свое племя отчасти для взаимной защиты от общего врага, так как горилла могла быть не одна, отчасти – чтобы сделать проверку, все ли члены племени налицо.

Скоро выяснилось, что отсутствует Тарзан. Тублат, страшно обрадовавшись случаю, изо всех сил противился посылке помощи. Сам Керчак, тоже недолюбливавший странного маленького найденыша, охотно послушал Тублата и, пожав плечами, вернулся к груде листьев, на которых приготовил себе постель.

Но иначе думала Кала. Не успела она узнать, что Тарзан исчез, как она уже мчалась по спутанным ветвям к тому месту, откуда еще ясно доносились крики гориллы.

Темнота окутала землю, и только что взошедшая луна струила свой неверный свет, бросая уродливые тени на пышную листву.

Редкие матовые лучи ее проникали до земли, но этот свет только сгущал кромешную тьму джунглей.

Неслышно, подобно огромному призраку, перебрасывалась Кала с ветви на ветвь. Она то быстро скользила по большим сучьям, то кидалась далеко в пространство с одного дерева на другое и быстро приближалась к месту происшествия. Ее опыт и знание джунглей говорили ей, что место боя близко.

Крики гориллы извещали, что страшный зверь находится в смертельном бою с каким-то другим обитателем дикого леса. Внезапно крики эти смолкли, и гробовая тишина воцарилась по всему лесу.

Кала ничего не могла понять: крик Болгани был несомненно криком страданий и предсмертной агонии, но до нее не доходило ни единого звука, по которому она могла бы определить, кто же был противником гориллы?

Было совершенно невероятным, чтобы ее маленький Тарзан мог уничтожить большую обезьяну-самца. И потому, когда она приблизилась к месту, откуда доносились звуки борьбы, Кала стала продвигаться осторожнее, а под конец совсем медленно и опасно пробиралась по нижним ветвям, тревожно глядя в обрызганную лунным светом темноту и отыскивая хоть какой-нибудь признак бойцов. Вдруг на открытой полянке, залитой ярко блестя-

шей луной, она увидела маленькое, истерзанное тело Тарзана и рядом с ним большого самца-гориллу, уже совершенно мертвого и окоченевшего.

С глухим криком бросилась Кала к Тарзану, прижала белое окровавленное тело к своей груди, прислушиваясь, не бьется ли в нем еще жизнь, и с трудом расслышала слабое биение маленького сердца.

Осторожно и любовно понесла его Кала через чернильную тьму джунглей к своему племени. Долгие дни и ночи пришлось ей просидеть около него, принося ему пищу и воду и отгоняя мух от его жестоких ран.

Бедняжка не имела понятия о медицине; она могла только вылизывать раны и таким способом держала их в относительной чистоте, пока целительные силы природы делали свое дело.

Первое время Тарзан не принимал пищи и метался в бреду и лихорадке. Но он поминутно просил пить и она носила ему воду тем единственным способом, который был Б ее распоряжении, т. е. в собственном рту.

Ни одна женщина не сумела бы проявить большего самозабвения и самоотверженной преданности к маленькому найденышу, чем это бедное, дикое животное.

Наконец лихорадка прошла, и мальчик начал поправляться. Ни одной жалобы не вырвалось из его крепко сжатых губ, хотя его раны мучительно болели.

Часть его груди оказалась разодранной до костей, и три ребра были переломлены могучими ударами гориллы. Одна рука была почти перегрызена огромными клыками, и большой кусок мяса вырван из шеи, обнажив главную артерию, которую свирепые челюсти не перекусили лишь чудом.

Со стоицизмом, перенятым от воспитавших его зверей, Тарзан молча выносил боль, предпочитая уползти в заросли высоких трав и безмолвно лежать там, свернувшись в клубок, чем выставлять напоказ свои страдания.

Одну лишь Калу Тарзан был всегда рад видеть около себя. Но теперь, когда ему стало лучше, она уходила на более продолжительное время для поисков пищи. Пока Тарзану было плохо, преданное животное питалось кое-как, чтобы только поддержать свое существование. И теперь Кала от худобы стала тенью самой себя.

VII. Свет познания

Прошло много времени, и оно показалось целую вечностью маленькому страдальцу, – пока, наконец, он встал на ноги и мог снова ходить. Но с этих пор выздоровление его пошло уже так быстро, что через месяц Тарзан был таким же сильным и подвижным, как прежде.

Во время своего выздоровления он много раз восстанавливал в памяти бой с гориллой. И первой его мыслью было снова отыскать то чудесное маленькое оружие, которое превратило его из безнадежного слабого и хилого существа в победителя могучего зверя, наводившего страх на джунгли.

Кроме того, он всей душой стремился снова побывать в хижине и продолжать осмотр тех диких вещей, которые находились там.

Однажды рано утром он отправился на розыски. Он скоро увидел начисто обглоданные кости своего противника, и тут же, рядом, прикрытый опавшими листьями валялся его нож, весь заржавленный от запекшейся крови гориллы и от долгого лежания на влажной почве.

Ему не понравилось, что прежняя блестящая поверхность ножа так изменилась, но все-таки в его руках это было достаточно грозное оружие, которым он решил воспользоваться при первом случае. У него мелькнула даже мысль, что отныне он уже не должен будет спасаться бегством от наглых нападений старого Тублата.

Через несколько минут Тарзан был уже около хижины, опять открыл ее дверь и вошел. Его первой заботой было изучить механизм замка, и пока дверь была открыта, он внимательно осмотрел его устройство. Ему хотелось точно узнать, что собственно держит дверь закрытой и каким образом она открывается, как только прикоснешься к замку?

Тарзан увидел, что изнутри тоже можно притворить и запереть дверь на замок. Он так и сделал, чтобы никто не мог потревожить его во время занятий.

Тогда он приступил к систематическому осмотру хижины; но его внимание было опять главным образом приковано к книгам. Казалось, они имели на него какое-то странное, непреодолимое влияние. Он не мог сейчас заняться ничем иным – до такой степени захватила его увлекательная сила и изумительная тайна книг.

Здесь был букварь, несколько элементарных детских книжек, какие-то многочисленные книги с картинками и большой словарь. Тарзан рассмотрел их все. Больше всего ему понравились картинки, но и маленькие странные букашки, покрывавшие страницы, где не было рисунков, возбуждали в нем удивление и будили его мысль.

Сидя с поджатыми ногами на столе в хижине, построенной его отцом, склонившись своим стройным и нагим телом над книгой, этот маленький первобытный человек с густой гривой черных волос и блестящими умными глазами представлял собою трогательную и прекрасную живую аллегория первобытного стремления к знанию сквозь черную ночь умственного небытия.

Лицо его поражало выражением напряженной мысли. Каким-то не поддающимся анализу путем, он уже нащупал ключ к столь смущавшей его загадке о таинственных маленьких букашках.

Перед ним лежал букварь, а в букваре был рисунок, изображавший маленькую обезьяну. Эта обезьяна походила на него самого, но, за исключением рук и лица, была покрыта каким-то забавным цветным мехом. Тарзан принимал за мех костюм человека! Над картинкой виднелись семь маленьких букашек:

М-а-л-ь-ч-и-к.

И он заметил, что в тексте, на той же странице, эти семь букашек много раз повторялись в том же порядке.

Затем он постиг, что отдельных букашек было сравнительно немного, но что они повторялись много раз – иногда в одиночку, а чаще в сопровождении других.

Он медленно переворачивал страницы, вглядываясь в картинки и текст и отыскивал повторение знакомого сочетания м-а-л-ь-ч-и-к. Вот он снова нашел его под другим рисунком: там опять была маленькая обезьяна и с нею какое-то неведомое животное, стоявшее на всех четырех лапах и походившее на шакала. Под этим рисунком букашки слагались в такое сочетание:

М-а-л-ь-ч-и-к и с-о-б-а-к-а.

Итак эти семь маленьких букашек всегда сопровождали маленькую обезьяну!

Таким образом шло вперед учение Тарзана. Правда, оно шло очень, очень медленно, потому что, сам того не зная, он задал себе трудную и кропотливую работу, которая вам или мне показалась бы невозможной: он хотел научиться читать, не имея ни малейшего понятия о буквах или письме и никогда не слышав о них.

Тарзану долго не удавалось справиться с поставленной им себе задачей. Прошли многие месяцы и даже годы, пока он разрешил ее. Но спустя долгое время, он все-таки постиг тайну маленьких букашек. И когда ему исполнилось пятнадцать лет, он уже знал все комбинации букв, сопровождавшие ту или иную картинку в маленьком букваре и в двух книжках для начального чтения.

Разумеется, он имел лишь самое туманное представление о значении и употреблении союзов, глаголов, местоимений, наречий и предлогов.

Как-то раз (ему было тогда около двенадцати лет) в одном из ящичков стола он нашел несколько карандашей. Случайно проведя концом одного из них по столу, он с восхищением увидел, что карандаш оставляет за собой черный след.

Тарзан так усердно занялся этой новой игрушкой, что поверхность стола очень скоро покрылась линиями, зигзагами и кривыми петлями, а кончик карандаша стерся до дерева. Тогда Тарзан принялся за новый карандаш. Но на этот раз он уже имел в виду определенную цель.

Ему пришло в голову самому изобразить некоторые из маленьких букашек, которые ползали на страницах его книг.

Это было трудное дело, прежде всего уже потому, что он держал карандаш так, как привык держать рукоять кинжала, что далеко не способствовало облегчению письма или разборчивости написанного.

Однако, Тарзан не бросил своей затеи. Он занимался письмом всякий раз, когда приходил в хижину, и в конце концов практический опыт указал ему такое положение карандаша, при котором ему легче было направлять и водить его. И тогда он получил возможность воспроизвести некоторые из маленьких букашек.

Таким путем он стал писать.

Срисовывая букашки, он научился и другой вещи – их числу. И хотя он не мог считать в нашем смысле этого слова, он все же имел представление о количестве, в основе которого лежало число пальцев на одной руке.

Роясь в разных книгах, Тарзан убедился в том, что ему теперь известны все породы букашек, появляющихся в разных комбинациях. Он тогда без труда расположил их в должном порядке. Ему было легко это сделать, потому что он часто перелистывал занимательный иллюстрированный букварь.

Его образование, таким образом, шло вперед. Но самые важные познания он приобрел в неистощимой сокровищнице громадного иллюстрированного словаря. Даже после того, как он понял смысл букашек, он продолжал гораздо больше учиться по картинкам, чем с помощью чтения.

После того, как он открыл расположение букв в алфавитном порядке, он с наслаждением искал и находил знакомые ему комбинации. Слова, сопровождавшие их, и их определения увлекали его все дальше и дальше в громадную область знания.

К семнадцати годам Тарзан научился читать детский букварь и вполне понял удивительное значение маленьких букашек.

Он уже больше не презирал своего голого тела, не приходил в отчаяние при виде своего человеческого лица; он знал теперь, что он принадлежит к совсем иной породе, чем его дикие и волосатые сотоварищи.

Он был ч-е-л-о-в-е-к, а они о-б-е-з-ь-я-н-ы. Маленькие же обезьяны, скачущие по верхушкам деревьев, были м-а-р-т-ы-ш-к-и. Тарзан узнал также, что старая Сабор л-ь-в-и-ц-а, Хиста з-м-е-я, а Тантор с-л-о-н.

Таким образом он научился читать.

С того времени его успехи шли очень быстро. С помощью большого словаря и упорной работы здорового разума, Тарзан, унаследовавший способность к мышлению, свойственную высокой расе, часто догадывался о многом, чего в действительности не мог понять, и почти всегда его догадки были близки к истине.

В его учении случались большие перерывы, так как племя иногда далеко уходило от хижины, но, даже вдали от книг, его живой ум продолжал работать над этими таинственными и увлекательными вопросами.

Куски коры, плоские листья и даже гладкие участки земли служили Тарзану тетрадами, в которых острием охотничьего ножа он выцарапывал уроки.

Но в то время, как он следовал своей склонности к умственному труду, он не пренебрегал и суровыми жизненными знаниями.

Он упражнялся с веревкой и играл со своим охотничьим ножом, который научился точить о плоские камни.

Племя окрепло и увеличилось со времени, когда поступил в него Тарзан.

Под предводительством Керчака ему удалось изгнать другие племена из своей части джунглей, так что у племени была теперь в изобилии пища и почти не приходилось терпеть от дерзких набегов соседей.

И потому, когда молодые самцы вырастали, они находили более удобным для себя брать жен из собственного племени, а если и брали в плен чужих самок, то приводили их к Керчаку, предпочитая подчиниться ему и жить с ним в дружбе, чем устраиваться самостоятельно.

Изредка какой-нибудь самец, более свирепый, чем его товарищи, пытался оспаривать власть у Керчака, но еще никому не удалось одолеть эту свирепую и жестокую обезьяну.

Тарзан находился в племени на особом положении. Хотя обезьяны и считали его своим, но Тарзан слишком заметно от них отличался, чтобы не быть одиноким в их обществе. Старшие самцы уклонялись от сношений с ним и либо не обращали на него внимания, либо относились к нему с такой непримиримой ненавистью, что если бы не изумительная ловкость мальчика и не защита могучей Калы, которая оберегала его со всем пылом материнской любви, — он был бы убит еще в раннем возрасте.

Самым свирепым и постоянным его врагом был Тублат. Но когда Тарзану минуло около тринадцати лет, преследования его врагов внезапно прекратились, его оставили в покое и даже стали питать к нему род уважения. Тарзан мог наконец рассчитывать на спокойную совместную жизнь с племенем Керчака, за исключением тех случаев, когда на кого-нибудь из самцов нападали припадок безумного неистовства, которыми страдают в джунглях самцы диких зверей. Но тогда никто из обезьян не был в безопасности.

Виновником этого счастливого для Тарзана поворота был никто иной, как тот же Тублат.

Произошло это событие следующим образом. Однажды, все племя Керчака собралось в маленьком естественном амфитеатре, лежащем среди невысоких холмов, на широкой и чистой поляне, свободной от колючих трав и ползучих растений.

Площадка была почти круглой. Со всех сторон амфитеатр замыкали мощные гиганты девственного леса; их огромные стволы были сплетены такой сплошной; стеной кустарника, что доступ на маленькую гладкую арену был возможен лишь по ветвям деревьев. Здесь, в безопасности от какого-либо вторжения, устраивало свои собрания племя Керчака. В середине амфитеатра возвышался один из тех страшных земляных барабанов, из которых антропоиды извлекают адскую музыку при совершении своих обрядов. Из глубины джунглей глухие удары их иногда доносятся до человеческого слуха, но никто из людей, никогда не присутствовал на этих ужасных празднествах. Многим путешественникам удалось видеть эти диковинные барабаны обезьян. Иные из них слышали даже грохот свирепого, буйного разгула громадных человекообразных, этих первых властителей джунглей. Но Тарзан, лорд Грейсток, был несомненно первым человеческим существом, которое когда-либо само участвовало в опьяняющем разгуле Дум-Дум.

Этот первобытный обряд послужил прототипом для всех служб, церемоний и торжеств, какие устраивались и устраиваются церковью и государством. На заре человеческого сознания, в седой глубине веков, за далекой гранью зарождающегося человечества, наши свирепые волосатые предки при ярком свете луны выплясывали обряды Дум-Дум под звуки своих земляных барабанов, в глубине величавых джунглей, которые остались такими же и поныне. Все наши религиозные таинства и обряды начались в ту давно забытую ночь, в тусклой дали давно минувшего мертвого прошлого, когда первый мохнатый наш предок, раскачав своею тяжестью ветку тропического дерева, легко спрыгнул на мягкую траву, на место первого сборища.

В тот день, когда произошло событие, после которого Тарзан добился, наконец, прекращения тех преследований, которым он подвергался в течение первых двенадцати лет своей жизни, племя Керчака, состоявшее теперь уже из целой сотни обезьян, шло молча толпою по нижним ветвям деревьев и бесшумно спустилось на арену амфитеатра.

Празднества Дум-Дум устраивались обычно по случаю того или иного важного события в жизни обезьян, например – победе над враждебным племенем, захвата пленника, умерщвлении или поимки какого-нибудь крупного хищника джунглей и, наконец, по случаю смерти или воцарения владыки – главы племени. Каждый такой случай сопровождался торжественными обрядами и особым церемониалом Дум-Дум.

В этот день, праздновалось убийство гигантской обезьяны из другого племени. И когда обезьяны Керчака заняли арену амфитеатра, два могучих самца принесли труп побежденного.

Они положили свою ношу перед земляным барабаном и уселись на корточках возле него в виде стражи. Остальные участники торжества разлеглись в густой траве, чтобы подремать, пока не взойдет луна. При ее свете должна была начаться дикая оргия.

Долгие часы на поляне царила полнейшая тишина, нарушаемая лишь нестройными криками пестрых попугаев и щебетом тысячи птиц, которые стаями порхали среди ярких орхидей и гирлянд огненно-красных цветов, ниспадавших с покрытых мхом пней и стволов.

Наконец, когда над джунглями спустилась ночь, обезьяны зашевелились, поднялись и расположились вокруг земляного барабана. Самки и детеныши длинной вереницей уселись на корточках с внешней стороны амфитеатра, взрослые самцы расположились внутри полянки, прямо против них. У барабана заняли место три старые самки, и каждая из них имела в руках толстую суковатую ветку длиной около пятнадцати дюймов.

С первыми слабыми лучами восходящей луны, посеребрившей вершины окружающих деревьев, старые самки стали медленно и тихо ударять по звучащей поверхности барабана.

Чем выше поднималась луна и чем ярче освещался ее сиянием лес, тем сильнее и чаще били в барабан обезьяны, пока, наконец, дикий ритмический грохот не наполнил собою всю

окрестность на много миль во всех направлениях. Хищные звери джунглей приостановили свою охоту и, насторожив уши и приподняв головы, с любопытством прислушивались к далеким глухим ударам, указывавшим на то, что у больших обезьян начался праздник Дум-Дум.

По временам какой-нибудь зверь испускал пронзительный визг или громовый рев в ответ на дикий грохот праздника антропоидов. Но никто из них не решался пойти на разведки или подкрасться для нападения, потому что большие обезьяны собравшиеся всей своей массой, внушали лесным соседям глубокое уважение.

Грохот барабана достиг, наконец, силы грома; тогда Керчак вскочил на середину круга, в открытое пространство между сидящими на корточках самцами и барабанщицами.

Выпрямившись во весь рост, он откинул голову назад и, взглянув прямо в лицо восходящей луне, ударил в грудь своими большими волосатыми лапами и испустил страшный, рычащий крик.

Еще и еще пронесся этот наводящий ужас крик над притихшими в безмолвии ночи и словно мертвыми джунглями.

Затем Керчак ползком, словно крадучись, безмолвно проскочил мимо тела мертвой обезьяны, лежавшей перед барабаном, не сводя с трупа своих красных, маленьких, сверкавших злобою глаз, и, прыгая, побежал вдоль круга.

Следом за ним на арену выпрыгнул другой самец, закричал, и повторил движения вождя. За ним вошли в круг и другие, и джунгли теперь уже почти непрерывно оглашались их кровавым криком.

Эта пантомима изображала вызов врага.

Когда все возмужалые самцы присоединились к хороводу кружащихся плясунов, — началось нападение.

Выхватив огромную дубину из груды кольев, нарочно заготовленных для этой цели, Керчак с боевым рычанием бешено кинулся на мертвую обезьяну и нанес трупу первый ужасающий удар. Барабанный грохот усилился, и на поверженного врага посыпались удар за ударом. Каждый из самцов, приблизившись к жертве обряда, старался поразить ее дубиной, а затем уносился в бешеном вихре Пляски Смерти.

Тарзан тоже участвовал в диком, скачущем танце. Его смуглое тело, испещренное полосами пота, мускулистое тело блестело в свете луны и выделялось гибкостью и изяществом среди неуклюжих, грубых, волосатых зверей.

По мере того, как грохот и быстрота барабанного боя увеличивались, плясуны пьянели от его дикого ритма и от своего свирепого воя. Их прыжки становились все быстрее, с оскаленных клыков потекла слюна, и пена выступила на губах и груди.

Дикая пляска продолжалась около получаса. Но, вот, по знаку Керчака прекратился бой барабана. Самки-барабанщицы торопливо пробрались сквозь цепь плясунов и присоединились к толпе зрителей. Тогда самцы, все, как один, ринулись на тело врага, превратившееся под их ужасающими ударами в мягкую волосатую массу.

Им не часто удавалось есть в достаточном количестве свежее мясо. Поэтому дикий разгул их ночного праздника всегда кончался пожиранием окровавленного трупа. И теперь они все яростно кинулись на мясо.

Огромные клыки вонзались в тушу, разрывая кровавое битое тело. Более сильные хватали отборные куски, а слабые вертелись около дерущейся и рычащей толпы, выжидая удобный момент, чтобы втереться туда хитростью и подцепить лакомый кусочек, или стащить какую-нибудь оставшуюся кость прежде, чем все исчезнет.

Тарзан еще больше, чем обезьяны, любил мясо и испытывал в нем потребность. Плотноядный по природе, он еще ни разу в жизни, как ему казалось, не поел мяса досыта. И вот теперь, ловкий и гибкий, он пробрался глубоко в массу борющихся и раздирающих мясо обезьян. Он стремился хитростью добыть себе хороший кусок, который ему трудно было бы добыть силой.

С боку у него висел охотничий нож его неведомого отца, в самодельных ножнах. Он видел образчик их на рисунке в одной из своих драгоценных книг.

Проталкиваясь в толпе, он, наконец, добрался до быстро исчезающего угощения и своим острым ножом отрезал изрядный кусок; он и не надеялся, что ему достанется такая богатая добыча – целое предплечье, просовывавшееся из-под ног могучего Керчака. Последний был так занят своим царственным обжорством, что даже не заметил содеянного Тарзаном оскорбления величества...

И Тарзан благополучно ускользнул из борющейся массы со своей добычей.

Среди обезьян, которые тщетно вертелись за пределами круга пирующих, был и старый Тублат. Он очутился одним из первых на пиру и захватил уже раз отличный кусок, который спокойно съел в сторонке. Но этого ему показалось мало, и теперь он снова пробивал себе дорогу, желая еще раз раздобыть хорошую порцию мяса.

Вдруг он заметил Тарзана: мальчик выскочил из царапающейся и кусающейся кучи переплетенных тел с полосатым предплечьем, которое он крепко прижимал к груди.

Маленькие тесно посаженные, налитые кровью свиные глазки Тублата засверкали злобыным блеском, когда они увидели ненавистного приемыша. В них загорелась также и жадность к лакомому куску в руках мальчика.

Но и Тарзан заметил своего злейшего врага. Угадав его намерение, он быстро прыгнул к самкам и детенышам, надеясь скрыться среди них. Тублат быстро погнался за ним по пятам. Убедившись, что ему не удастся найти место, где он мог бы спрятаться, Тарзан понял, что остается одно – бежать.

Со всех ног помчался он к ближайшим деревьям, ловко прыгнул, ухватившись рукой за ветку, и с добычей в зубах стремительно полез вверх, преследуемый Тублатом.

Тарзан поднимался все выше и выше на раскачивающуюся верхушку величавого гиганта лесов. Тяжеловесный преследователь не решился гнаться за ним туда, и, усевшись на вершине, мальчик кидал оскорбления и насмешки разъяренному, покрытому пеной животному, которое остановилось на пятьдесят футов ниже его.

И Тублат впал в бешенство.

С ужасающими воплями и рычанием низвергнулся он наземь в толпу самок и детенышей и накинудся на них. Он перегрызал огромными клыками маленькие слабые детские шеи и вырывал целые куски мяса из спин и животов самок, попадавших в его когти.

Луна ярко озаряла эту кровавую оргию бешенства. И Тарзан все это видел.

Он видел, как самки и детеныши бежали, что было сил, в безопасные места на деревьях. А затем и большие самцы, что сидели посреди арены, почувствовали могучие клыки своего обезумевшего товарища. И тогда все обезьяны поспешно скрылись среди черных теней окрестного леса.

В амфитеатре, кроме Тублата, оставалось только одно живое существо – запоздавшая самка, быстро бежавшая к дереву, на верхушке которого сидел Тарзан. За ней близко по пятам гнался страшный Тублат.

Это была Кала. Как только Тарзан увидел, что Тублат ее настигает, он, с быстротою падающего камня, бросился с ветки на ветку на помощь своей приемной матери.

Она подбежала к дереву. Как раз над нею сидел Тарзан, затаив дыхание, выжидая исхода этого бега вразпуски.

Кала подпрыгнула вверх и зацепилась за ниже висевшую ветку. Она оказалась почти над самой головой Тублата и была здесь уже в безопасности. Но раздался сухой, громкий треск, ветка обломилась, – и Кала свалилась прямо на голову Тублата, сбив его с ног.

Оба вскочили на мгновение, но Тарзан еще быстрее спустился с дерева, и громадный разъяренный обезьяний самец внезапно очутился лицом к лицу с человеком-ребенком.

Ничто не могло быть более на́руку злобному зверю. С ревом торжества обрушился он на маленького лорда Грейстока. Но клыкам его все же не было суждено вонзиться в это крошечное коричневое тело цвета ореха.

Мускулистая рука с молниеносной быстротой схватила Тублата за волосатое горло. Другая рука вонзила несколько раз острый охотничий нож в широкую, мохнатую грудь. Удары падали, словно молнии, и прекратились только тогда, когда Тарзан почувствовал, что ослабевшее вялое тело рушится на землю.

Когда труп упал, Тарзан, обезьяний приемыш, поставил ногу на шею своего злейшего врага, поднял глаза к полной луне и, откинув назад буйную, молодую голову, испустил дикий и страшный победный крик своего народа. Друг за другом, из своих древесных убежищ, спустилось все племя. Они окружили стеной Тарзана и его побежденного врага, и когда все оказались налицо, Тарзан обратился к ним.

– Я Тарзан, – крикнул он. – Я великий боец. Все должны почитать Тарзана и Калу, его мать. Среди вас нет никого, кто может сравниться с ним в силе! Пусть берегутся его враги!

Устремив пристальный взгляд в злобно-красные глаза Керчака, молодой лорд Грейсток ударил себя по могучей груди и испустил еще раз свой пронзительный крик вызова.

VIII. Охота на вершинах деревьев

На следующее утро после Дум-Дум, обезьяны медленно двинулись назад к берегу, через лес. Мертвый Тублат остался лежать там, где он был убит, потому что племя Керчака не ест своих.

Поход на этот раз был весь занят поисками пищи. Капустные пальмы, серые сливы, визанг и сентамин встречались в изобилии; попадались также дикие ананасы, а иногда обезьянам удавалось находить мелких млекопитающих, птиц, яйца, гадов и насекомых. Орехи обезьяны раскалывали своими могучими челюстями, и только когда они оказывались слишком твердыми, они разбивали их камнями.

Однажды путь их пересекла старая Сабор. Встреча с львицей заставила обезьян поспешно искать убежище на высоких ветвях.

Правда, Сабор относилась с уважением к их численности и острым клыкам, но и обезьяны, со своей стороны, проявили не меньшую почтительность к ее силе и свирепости.

Тарзан сидел на низко опущенной ветке. Львица, пробираясь через густые заросли, оказалась как раз под ним. Он швырнул в исконного врага своего народа бывший у него под рукою ананас. Величественное животное остановилось и, обернувшись, окинуло взглядом дразнившую ее сверху человеческую фигуру.

Сердито вильнув хвостом, Сабор обнажила свои желтые клыки и сморщила, огрызаясь, щетинистую морду. Злобные глаза ее превратились в две узкие щелки, в которых горели бешенство и ненависть.

С прижатыми ушами львица посмотрела прямо в глаза Тарзану, найденышу обезьян, и испустила пронзительный боевой вызов.

И, сидя под нею на ветке, человек-обезьяна ответил ей страшным криком своего племени.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. А через минуту громадная кошка повернула в джунгли, и лесная чаща поглотила ее, как океан поглощает брошенный в него камень.

Но в уме Тарзана зародился серьезный план. Он убил, ведь, свирепого Тублата, значит, он стал могучим бойцом? А, вот, теперь он выследит хитрую Сабор и убьет ее тоже. Тогда он станет великим охотником.

В глубине его маленького европейского сердца таилось сильное желание прикрыть одеждой свою наготу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.